

ЛОРА ВАНХОРН

ВЫХОД ЗУБНОЙ ФЕЙ

Школа

Лора Ванхорн
Выход зубной феи

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Ванхорн Л.

Выход зубной феи / Л. Ванхорн — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Коллектив элитной гимназии в областном центре готовится к 1-му сентября. Новый директор, в прошлом летчик-испытатель, уже пообещал прополоть ряды заслуженных педагогов, а на свободное место рассадить дисциплину в глухих блузках. Для учительницы русского Насти Поповой это совсем некстати - в школе она берет передышку от семейного счастья, которому после приезда свекрови стало негде развернуться. Ее коллегам тоже есть, что терять. Красавец-химик, загадочный миллионер-русофил и девочка с колокольчиком дают бывшему авиатору "черную метку". Война с зарвавшимся новичком обрывается на самом интересном месте: пока весь педсостав ищет ускользнувшие в канализацию зубы, летчик наносит роковой удар. Он не знает, что за кустом боярышника уже заждались ошибки его молодости, и удар превращается в промах...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	29
Глава 7	35
Глава 8	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Глава 1

Нет, опаздывать сегодня было решительно нельзя! Это все равно, что по совету школьного военрука при ядерном взрыве бежать в эпицентр и спасти раненых – и то менее опасно для жизни и гораздо радужнее в плане дальнейших перспектив. Именно в этот погожий сентябрьский день новое начальство приступало к решительному исполнению своих обязанностей.

Первейшим долгом директор элитной языковой школы Леонид Серафимович Поленко полагал установление окончательной и бесповоротной победы дисциплины над всем живущим. Утомленный перегрузками мозг отставного летчика-испытателя не мог смириться с хаосом творческого процесса преподавания. В сладких снах полковнику являлись вежливые тихие дети, глухие блузки учителей и всеобщая пунктуальность. Леонид Серафимович был человек дела и сны претворял в реальность незамедлительно. Начало новой жизни было намечено на первое сентября и приурочено к торжественной линейке. И на нее всем участникам следовало явиться вовремя.

Отдохнувшие за лето, набравшиеся сил, но поиздержавшиеся в средствах педагоги узнали о постигших их переменах только накануне. Назначение Поленко было внезапным, что, впрочем, никак не умаляло его эффекта: умы и чувства подчиненных волновались. На педсовете коллектив с недоумением взирал на компактного пеговолосого мужчину, волею судьбы и районного отдела образования ставшего их рулевым. Только врожденная интеллигентность и временные финансовые трудности присутствующих уберегли полковника-энтузиаста от немедленного столкновения с народным мнением.

Мятежный дух, однако, уже витал среди сеятелей разумного, доброго и вечного. Несколько десятков настороженных глаз следили, как Поленко, потешно выставляя вперед нижнюю челюсть, сокращается на тему прежней учительской вольницы. Ее он клятвенно обещал вырезать прямо со вчера.

– Камикадзе, – наконец, вынесла общий вердикт Динара Ефимовна, преподаватель творчески переработанного английского языка. – Даю ему месяц.

Учительница не учла, что директор не привык пасовать перед трудностями, а в случае их отсутствия он даже создавал эти трудности сам и бросал на их преодоление личный состав. Путь в светлое будущее школы по замыслу свеженазначенного руководителя определенно лежал через тернии, призванные естественным образом отобрать сильнейших и отсеять недостойных. На собрании он внимательно рассматривал свою маленькую гвардию воинов просвещения вместе и по одному, пытаясь прикинуть, кого первого должна разглядеть тяжелая длань нового порядка. В его неповоротливый, как асфальтовый каток, мозг потихоньку закрадывалось подозрение о неминуемом саботаже.

“Каленым железом! – заключил про себя полковник. – И не таких перевоспитывали”.

Будучи поклонником кнута, а не пряника, Леонид Серафимович решил воздействовать самым доступным, легким, но чувствительным методом – лишать довольствия. В общем, вниманию присутствующих был предложен сборник наказаний для уклонистов, не желающих разделять радости светлого завтра, в виде лишения премий, надбавок, удобного графика и библиотечных дней. На робкий вопрос о поощрениях директор долго мерил мутным рыбьим взглядом внезапно побледневшего учителя истории.

– В мое время, молодой человек, люди за идею работали. Вам что, отдельное спасибо нужно? Может, вас еще и под руку на работу водить?

Нежная психика историка, и без того изможденная бесконечными размышлениями о судьбах Родины и тщете всего сущего, приготовилась к немедленной капитуляции. Тонкие

пергаментные веки задрожали, цвет лица уже плавно перешел в зеленый спектр, когда подошла неожиданная помощь.

– Хотелось бы знать конкретные цифры, господин Поленко. Во сколько нынче Отечество оценивает "спасибо" выдающемуся учителю?

Как подсолнухи за солнцем головы собравшихся повернулись к источнику смелости и звука. Аудитория с восхищением взирала на оратора. Им оказался учитель химии Назар Никоневич Берин, дьявольски красивый мужчина с ассирийской бородкой, раздутым самомнением и мамой, не только флагманом правящей партии по области, но и бессменным школьным спонсором. То ли это, то ли страсть к преподаванию и химии во всех ее проявлениях делали Назара неуязвимым для любых рокировок и перемен в педсоставе. Поленко, как человек новый, об этих весомых достоинствах Берина пока не подозревал. Со скоростью и грацией чугунного паровоза он летел навстречу неминуемому столкновению с харизмой демона от науки.

Облизнув узким змеиным язычком тонкие губы, Леонид Серафимович уставился на красавца-учителя. Лучшего кандидата для публичной казни было не сыскать, неприязнь с первого взгляда была безоговорочной и полностью взаимной.

– Слишком много у вас прав, я смотрю! – завелся директор. – Только про обязанности забываете. Образование – это вам не торговля на базаре, здесь нужно самоотдаваться! – в ответ на пламенный призыв Динара Ефимовна заиграла густыми бровями и с внезапным интересом взглянула на полковника, чем смутила начальство окончательно. Забывшись за стоящий у доски стол и глотнув водички, Леонид Серафимович чуть тише продолжил:

– Самоотдаваться, а не считать, на сколько вас оспасибил! Это вы скажите спасибо, что не расстреляли за все ваши выверты, как в семнадцатом! Да, товарищ, вы со своей химией на паперти будете стоять, так что потрудитесь сидеть и слушать, а не спорить со старшими. Руководство, оно для того здесь и поставлено, что лучше знает. Вот так. Еще вопросы есть?

Вопросы были, но обсудить их слаженный и выдавший виды коллектив собирался после окончания благородного собрания. А пока Назар задумчиво поглаживал блестящие кольца черной как смоль бородки и чему-то плотоядно улыбался. Молоденькие преподавательницы английского тесно сгрудились вокруг своей патронессы, аксакала латинской и менее изящной словесности Динары Ефимовны, и перешептывались, то и дело поглядывая на задние парты. Там, в отдалении от простого люда, заседала тяжелая артиллерия педсостава, до сих пор хранившая полное, какое-то вязко-зловещее молчание.

Троицу сильных школьного мира местные острословы прозвали "Могучей Кучкой", и это вполне отражало суть их командных выступлений: уж на кого они положили, тот в темпе вальса должен был бежать без оглядки. Хотя и там ему не сразу удавалось отмыться от острых Кучкиных посылов. Ядром группы были математик Амалия Петровна Винтер и ее заклятая подруга Вишневская, преподаватель физики. То, перед чем пасовали детская комната милиции, воскресная школа и авторитет родителей, Амалия искореняла раз и навсегда одним взглядом стальных глаз. Ужас парализовал вчерашних хулиганов, выветривая из их сознания все лишнее, а освободившееся место занимали твёрдые знания по математике. Госпожа Вишневская, женщина гренадерского роста и трубного гласа, внушала уважение своими габаритами: глядя на медальон, лежащий на ее мощной груди параллельно полу, связываться не хотелось.

Пряную ноту в трио мегер вносила биологиня. Главной мечтой покровительницы фотосинтеза и марайских тараканов было замужество, что в условиях школьного дефицита рыцарей никак не становилось явью. На амбразуру великой цели бросались все подручные средства, от небывалой яркости макияжа до спиритических сеансов с чучелом совы и скелетом под инвентарным номером 237 в вверенном Марине Тухтидзе кабинете. Суженый все медлил, характер Марины портился, и последствия страшной лавиной обрушивались на мужчин, не догадавшихся по достоинству оценить девицу.

Заручись Поленко поддержкой "Могучий Кучки", его воцарение на должность прошло бы гладко и без сучка, а с директорским креслом разлучила бы только смерть. Теперь же, после краткого знакомства в коридоре перед началом педсовета, Леонид Серафимович стал обладателем трех страшных и злопамятных врагов. Вишневская не оценила армейской шутки о вреде физики для слабого бабьего ума, Марине полковник посоветовал смыть раскраску павшей женщины и зашить то, что на его взгляд было разошедшимся швом, а на взгляд Марины – соблазнительным и рискованным разрезом на юбке. Для Амалии Петровны директор тоже прибегнул к паре ценных советов, но, встретившись с ней глазами, отчего-то поперхнулся и передумал, в тайне решив все же отправить Винтер на пенсию при первой оказии. Воздержание ему не зачлось: Амалия Петровна не доверяла людям, не знакомым с геометрией хотя бы до равенства треугольников включительно, а Поленко произвел на нее впечатление человека без способностей к математике. Административная звезда бывшего летчика обречена была угаснуть, даже толком не взойдя.

В общем, собрание заканчивалось, а низы не проявляли никакой солидарности с верхами. Сидящие на первом ряду учительницы русского все еще по инерции записывали распоряжения Леонида Серафимовича, в тылах же царили полный разброд и шатание: коллеги строили друг другу многозначительные лица, передавали записочки и вопреки всем стараниям директора не боялись. Даже историк слегка оклемался и привычно задумался о своей будущей роли в неизбежном установлении монархии, что придало его лицу благородное, но вполне отсутствующее выражение.

Лишь один человек в классной комнате внимал Поленко со всей страстью преданного вассала и почитателя. Им оказался учитель труда Тихон Гаврилович, школьный отщепенец и фанат начальства. Истинная профессия Тихона, как и его дошкольная жизнь, были покрыты мраком неизвестности. Сам он представлял себя специалистом во всех мыслимых областях, от запуска синхрофазотрона до зашептывания больного зуба в лунную ночь. Между тем, ни одна поделка, изготовленная в логове трудовика – подсобке на первом этаже под лестницей – не напоминала ничего, что могло бы пригодиться для жизни на Земле даже с учетом стремительно растущих потребностей современного человека. Младшеклассники, который месяц под его чутким руководством выпиливающие некое подобие юлы на палочке, говорили изумленным родителям, что это рубанок. Или табуретка. В зависимости от стадии процесса. Далекие от ручного труда папы и мамы недоуменно пожимали плечами и ставили комок стружки с железками на балкон.

Сам же Тихон не испытывал сомнений в уникальности своего таланта, а светлое будущее собирался организовать лично сам еще до прихода Поленко. Препятствием стало отсутствие широких полномочий и нелюбовь к доморощенному гению со стороны коллектива. Люди не жаловали Тихона, хоть и оборачивались ему в след на улицах города.

Еще в бытность трудовиком-новобранцем Тихон Гаврилович увлекся изобретением пышных названий, вполне отражающих суть и непосильность для простого смертного выполняемой им работы. "Генеральный эксперт по мануальному древопрокату" звучало гордо, но тяжело поддавалось чеканке на заранее заготовленной чугунной доске, предварительно и за немалые деньги вырезанной автогенном из доставшейся по наследству советской ванной. После долгих колебаний кустарь-индиго остановился на "квазитехническом менеджере", выбил красивые, но непонятные слова на металле и водрузил панно у входа в подсобку. С того достопамятного дня к Тихону прочно прилепилось прозвище "наш Квазимодыш", запущенное в жизнь меткой Динарой Ефимовной, и содержанием точно отражающее внешние формы главного школьного трудоголика.

Шли годы, а Тихон Гаврилович ни на шаг не приближался к логическому венцу своей неустанной творческой и общественной деятельности, а именно к креслу заместителя директора школы по воспитательной работе. Тихон недоумевал. Винил завистников и тайных вра-

гов реформации, пока одна бабуля из Районо, сочувствовавшая юродивым, не намекнула ему ласково, что дело, собственно, в нем. Смягчив, конечно, откровение сетованием на несовершенство мира и недостаток у Тихона специального образования. Трудовику явилась истина, осенившая его предшественников-профессиональных революционеров из кухарок – столетием ранее: учиться, учиться и учиться. С тех пор он забрасывал дирекцию и Районо просьбами отправить его на курсы топ-менеджеров в Канаду, или хотя бы оплатить двухгодичный МВА в столице. Тихон Гаврилович оставался человеком основательным, как он говорил "особого качества", и вариантов попроще не искал.

У вот теперь, сидя на первом педсовете с Поленко, учитель труда интуитивно чувствовал, что настало его время. Затянувшаяся на два года починка розетки в кабинете истории не прошла даром для его возмущенного разума. "Кто был ничем, тот станет всем!!!" – бешено колотилось в мозгу, по телу бегали задорные импульсы, а взгляд горел неугасимой любовью к руководителю, мудрому и, очевидно, справедливому. Слушая, как Леонид Серафимович обещает разобраться с тунядцами и разгильдяями, воздавая каждому по способностям и педнагрузке, Тихон внутренне соглашался с каждым словом своего нового гуру. Он даже двигал кадыком в такт особо экспрессивных пассажей полковника и с неодобрением поглядывал на коллег, без особого пиетета внимающих вестнику нового порядка.

"Нет... О нет... Нельзя, чтоб он думал, что я с ними!" – беспокоился трудовик. – "А я ведь сам, я особый! Надо дать понять уважаемому, нет, высокоуважаемому! Зачем же принижать святого человека... Да, высокоуважаемому Леониду Серафимовичу, что я с ним! Плечом к плечу!"

– Товарищи! – наконец, решился Тихон Гаврилович. – Прошу минутку внимания!

Класс оживленно заерзал, предвкушая очередное юмористическое соло звезды прикладных ремесел. Даже физрук Юрьич оторвался от созерцания бескрайнего бюста физика Вишневецкой, бывшего его Альфой и Омегой весь прошлый год, и перенастроил свою единственную извилину на прием Тихоновского потока сознания. Поленко на полуслове оборвал свою речь о вреде опозданий и всем корпусом развернулся к нахалу, перехватившему трибуну. Тихон Гаврилович набирал обороты:

– Высокоуважаемый Леонид Серафимович, разрешите с вами согласиться во всем! И также на будущее, отдел труда поддерживает все ваши начинания и аплодирует стоя. Вернее, стоя передает вам низкий поклон за все уже сказанное и еще не сделанное!

Глаза трудовика сияли. Худошавое тельце, заправленное в черные брючки, рубашку и галстук на манер людей Икс вкупе со склоненной вбок головкой придавали Тихону полное сходство с золотушным грачом. Леонид Серафимович мучительно пытался сопоставить сладость речей нежданного союзника с общей ущербностью его облика, но за отсутствием иных, более солидных вариантов, ободряющим жестом попросил продолжать.

– Вы совершенно верно заметили, товарищ директор! Вот тут у меня небольшой список недоработок и недоделок, страниц на сорок, которые вы можете заметить в дальнейшем. Чтобы, значит, ничего не осталось сокрытым от вашего правильного мнения, высокоуважаемый Леонид Серафимович! Я от лица преданной вам части коллектива, то есть от меня, выражаю восхищение вашими такими золотыми словами. Готов служить не покладая! А теперь позвольте фото на память, для углубления, так сказать, единства!

И пока ошарашенный директор хватал ртом воздух в поисках достойного ответа, Тихон Гаврилович рысцой протрусил до его стола, встал чуть позади, положил лапку на крепкое полковничье плечо и навел камеру телефона. Снимок вышел загляденье: Поленко в виде выброшенного на берег окуня, со снулыми глазами и губами широкой буквой "О", приятно оттененный лучезарной бело-керамической улыбкой своего нового соратника. Позже, выложенная в сеть, эпохальная фотография стала иллюстрацией к научной статье о внешних проявлениях органических поражений головного мозга и имела успех у специалистов.

Экспромт трудовых резервов не только до предела повысил градус настроения педагогов, но и окончательно вывел бывшего летчика из равновесия. Налившись опасно-гипертонической краснотой, Леонид Серафимович отрывисто проорал:

– Вы! Что! Себе! Позволяете! Завтра! Чтобы все, как один! Вовремя и без фокусов! Все свободны, и в это свободное время советую задуматься о своем поведении! А ты, как там, Тихон... Гаврилович, ты останься. У меня к тебе поручение.

Присутствующие хором встали, раздался лязг и скрежет отодвигаемых железных ступеней эпохи “сталинский ампир”, бессменных с самых пятидесятых по причине собственной антикварности. Второго приглашения на выход аудитории не требовалось – луч директорского разума основательно рассеял туманность учебного плана на текущий год и в клочки разодрал мрак неизвестности о премиях ко дню учителя. И ко всем будущим дням тоже.

Повинуясь извечному вселенскому закону единства малых, по которому гуппи и прочая океанская мелюзга трепещет в волнах монолитной массой, а птицы встают в клин для покорения жаркого юга, стайка молоденьких англичанок синхронно обогнула директора по самой широкой дуге. Авангардом непокорных выступал Назар Никонович, глядевший прямо в глаза зарвавшемуся полкану своим нехорошим иезуитским взглядом. С полуулыбкой обронив что-то между “прощайте” и “то будет вам предвестьем злых невзгод”, химик удалился в коридор, увлекая за собой менее стойких историка и географичку, напрасно надеявшуюся дослужить до пенсии без потрясений: пенсия свалилась, как снег на голову, уже три года назад, а потрясения все не кончались. Замыкала исход неверных “Могучая Кучка”. Три гарпии, выстроившись смертоносной тевтонской “свиньей”, уверенно шли к выходу из этого бедлама, окутывая остающихся густым ядовитым облаком крайнего презрения. Наконец, класс опустел, и слегка ошарашенный теплым приемом директор приступил к вербовке потенциального соратника.

– Вот что, Тихон. Ход твоих мыслей в целом, конечно, правильный... хотя есть и перегибы, мда. Что ж, докажи свои благие намерения. В этом вашем осинном гнезде черт ногу сломит... – проговорил Поленко, задумчиво подтягивая нижнюю губу поближе к носу. – Вот и задание тебе, так, на проверку, напиши... Напиши на всех характеристики, кто да что, чем дышит, слабости, умения какие есть, хотя я таких не заметил. Да, а вот эти писульки свои убери, не дорос еще до замечаний опытному руководству. – Тут Леонид Серафимович спохватился, что при завоевании плацдарма каждый боец на счету, и чуть смягчился. – Ты, Тиша, имеешь шансы, ну, по крайней мере, побольше остальных. За работу.

За всю свою хиленькую карьеру трудовик никогда прежде не устаивался столь полного доверия высокого начальства, и, как следствие, столь ответственного задания. Причем задание впервые было сформулировано не в форме посылки к такой-то матери. Счастье и желание оправдать, превзойти и вознестись переполняли избранного пролетария, он млеял и неустанно кивал головой. Давясь теснящимися в мозгу словами благодарности, Тихон Гаврилович заверил Поленко, что с первыми петухами поименный справочник-донос будет готов, и, хотя у директора были более мирные планы на раннее утро, он одобрительно кивнул и сказал:

– Вот это правильно. Жду тебя завтра в своем кабинете.

Глава 2

Картины памятного собрания то и дело всплывали в Настином воображении. Воображение вообще было сильной стороной Анастасии Поповой, учительницы русского и литературы, а подстегнутое угрозами нового директора оно распустилось окончательно. К тому же увольняться именно сейчас, когда в однокомнатной квартире молодого педагога поселились дальние родственники, они же погорельцы, было неразумно. Жить на этой микроплощади можно было только посменно, а значит, на работу походить стоило.

"Только бы не опоздать. Опаздывать-то сегодня ну вообще никак, что за невезение... Хотя ведь и зубы – это вам не жук начихал! Надо искать, ничего не поделаешь..." – думала Настя, лихорадочно шаря в пыльной темноте подъезда. – "Все-таки пока не все в порядке у нас с жилищно-коммунальным хозяйством. Свет в холле две недели не горит. И с медициной неспокойно. Чертов мост! И надо же было дорогой мамуле посеять свою челюсть именно здесь и сейчас!"

Предметом поиска и неугасимой надежды был верхний мост из четырех белоснежных передних зубов, составлявших лучшую часть внешности Нины Васильевны, Настиной свекрови. Женщины примитивной, но энергичной и злопамятной. Не было в подлунном мире такой вещи или дела, в которых свекровь не разбиралась или не давала бы советов. Причем в системе координат Нины Васильевны существовали только два мнения: свое и неправильное. Такая жесткая позиция старушки плюс совместное проживание на весьма ограниченной территории делали Настино участие в успешном обретении свекровиных запчастей обязательным.

Зубы, изготовленные по образу и подобию лучших голливудских улыбок, имели только один недостаток: слабое сцепление с организмом носителя. Нина Васильевна теряла их на торжественных собраниях, в тарелках с супом, в море и поездах дальнего следования, а вот теперь они выпали в подъезде типового панельного дома в спальном районе. Весело проскакав по небольшой лестнице, зубы унеслись во мрак парадного, не оставив следов. Попова-старшая тщетно вытягивала густо покрашенные алой помадой губы и ахала – чудо протезирования на позывные не являлось. Зато Настя, младшая в семейной иерархии, сразу же и без рассуждений была брошена на поиски. И вот теперь, вместо того, чтобы по замыслу Поленко уже мчаться навстречу новой жизни, Анастасия Попова перебирала тлен и мусор по углам подъезда.

"С одной стороны он, конечно, директор. Но мамуля-то тоже человек. Сложный человек в смысле. Немилосердно выпускать ее без зубов на люди, нам они ничего плохого не сделали. В этом плане мне даже везет, что темно. Куда же они завалились?" – Настя повернулась в сторону, где предположительно стояла Нина Васильевна, и решительно сказала:

– Так мы можем искать до морковкиного заговенья, а я опаздываю. Стойте здесь и охраняйте, чтоб граждане вашу ценность не раздавили ненароком. Я за фонариком, туда и обратно.

– Пока ты там ходишь, зубки мои и унесут! Для покражи самое выгодное место, темно и бабуля беззащитная одна. – обиженно забубнила свекровь.

Настя с сомнением покачала головой. В крошечной тьме холла встреча с непознанным в виде старухи с двумя торчащими клыками и для невпечатлительного человека могла закончиться трагически.

– Не преувеличивайте, Нина Васильевна. Шесть утра, для зубных воров уже поздно, хотя если кого из них заметите, можете задержать.

Настя на ощупь поднялась по лестнице к площадке лифтов. В это время двери грузового медленно разъехались, проливая спасительный свет на место происшествия. Настя отметила, что не ошиблась насчет воздействия нового имиджа свекрови на еще не совсем проснувшихся соседей. Молодой человек с собакой при первом взгляде в сумеречные глубины подъезда

непроизвольно дернулся и потряс головой, как бы отрицая факт нашествия кровопийц в старушечьем обличье. Заметив Настасью, он с облегчением вздохнул:

– А, это вы тут, девушка! Я уж подумал того, слишком мы вчера вздрогнули. Видения какие-то. Случилось чего?

– Да, это мы, – мрачно отозвалась Настя. – Мы вот тоже вздрогнули, только не совсем удачно. Зубы потеряли, так что вы поаккуратней, не наступите. Может, ваша собачка их найдет? Она у вас овчарка, они и преступников ловят, даже если они по частям по всему городу раскиданы. По запаху определяют, наверное.

Молодой человек замялся: желание побороться за высокое звание овчарки для его не совсем породистого пса блекло перед мизерностью цели. Искать бабкины обломки, тем более по запаху, было неинтересно. Нет, не такой судьбы он хотел для своего четвероногого друга.

– Вот что, барышня. Это порода для охраны, а не для охоты на протезы. Давайте-ка мы вас лучше посторожим. Снаружи естественно. А вы пока все и найдете.

Настя покрутила губами и вздохнула:

– Ну да, помогли так помогли. Хотя бы не топчите тогда, а то придется вашему песику охранять старушку до стоматолога и обратно, если раздавите ее главную ценность. Давайте я подержу лифт открытым, а вы аккуратно пройдете, пока светло, – девушка сняла с себя Нину Васильевну, уцепившуюся при виде собаки в невесткин локоть, и вставила разгоряченную поисками свекровь в угол у лестницы.

– Мамуля, я быстро, – сурово бросила Настя и скрылась в коробке лифта.

Тихонько отперев входную дверь, молодая женщина на цыпочках вошла в свою квартиру. В годы застоя кооперативная однушка с лоджией и большой кухней представлялась если не Эверестом комфорта, то по крайней мере позволяла молодой семье ковать личное счастье вдали от бесценного опыта родителей. В нынешние времена такой метраж именовался "студией", а журнал "Cosmopolitan" упрямо советовал, что современной горожанке нужно места на гардеробную больше, чем вся эта конура. Настя внутренне соглашалась и с рынком недвижимости, и с прессой, но внешне приходилось только мечтать, что муж Насти, уроженец далекой провинции, все же заработает на расширение площади.

Правда, пока супруг обеспечивал только расширение состава новорожденной семьи: сначала проведать кровиночку подтянулась мама, да так и осталась на полгода. А третьего дня появились настолько многообразные племянники, что Настя и ее муж до сих пор ломали голову, кому же из них те приходятся родней. Сами приезжие путались в показаниях, на расспросы реагировали вяло и избегали прямых ответов, дружно совпадая в одном – погорели они, последняя рубашка ушла на оплату билетов на поезд. Жертвы пожара вели себя тихо и, проявив истинно деревенскую смекалку, обосновались на кухне. Несчастные божились, что это ненадолго, и обещали в самом скором времени уехать в поисках правды в Москву. Погорельцам разрешено было остаться до того момента, пока их не зацепит рука помощи государства, а то, что в капиталистической реальности на это могут уйти миллионы световых лет, Настя не подумала. Как истинный представитель русской интеллигенции она чувствовала себя в ответе за сирых и убогих, что и положило начало коммуне в квартире №86 в доме на окраине города.

Теперь первым делом Настя заглянула в спальню, где богатырским сном почивал ее супруг Костик, подающий надежды аспирант физико-математического университета. В конце запутанного научного пути маячили премии, мировое признание и прочие атрибуты сладкой жизни, так что нынешнюю тесноту и скромность бюджета супруги рассматривали как временные неудобства и не унывали. Работа над диссертацией кипела в основном по ночам – это была смена хозяина дома пользоваться благами городского быта в виде стола, санузла и холодильника.

Днем будущий светила науки вкалывал на факультете и занимался в меру своих скромных способностей приготовлением пищи. Неординарный взгляд физика-ядерщика на допу-

стимые гастрономические комбинации делали его весьма экстравагантным поваром: задолго до изнеженных западных кулинаров он изобрел макробиотическое питание и вывел теорию "суперфуда", которая позволила молодой семье без чувства ущербности питаться одной пшеникой как самым полезным в мире продуктом.

Сейчас герой коллаидеров и поварешек спал, безмятежно расположив косую сажень плеч на семейном ложе системы "диван раскладной". Настя подоткнула ему одеяло и вышла в коридор, по дороге отметив какое-то несоответствие в интерьере. Чего-то определенно не хватало, но времени поразмыслить о недостатке не было. Прихватив туристический фонарик, прекрасная половина семьи Поповых устремилась назад к темному подъезду, в недрах которого скрывались летучие челюсти.

В парадном уже кипела привычная утренняя жизнь: возвращались с прогулки собачники, то и дело пробегали нахохленные труженики, а в углу у почтовых ящиков солировала свекровь, завывая на манер азиатского акына о своей великой потере. Терпеливый русский народ, привычный и к более ощутимым ударам судьбы, безучастно проносился мимо, следя, однако, чтобы лишние зубы не налипли к подошвам. Мрачные чертоги подъезда наполнялись робкими лучами сентябрьского солнца, тьма отступала, но на аскетически голом полу холла никаких посторонних предметов не наблюдалось.

– Надо обследовать под лестницей, – решила Настя. – Потому как если зубы были в проходе, то мы их уже потеряли, слишком оживленная трасса. Мамуля, нате мою сумку и отойдите, не загораживаете свет. Линейка в школе через час, а мы еще копаемся.

Анастасия нырнула под пролет и сразу же поняла, что она, возможно, первый человек со времен сдачи дома, чья нога ступила в этот заповедник плесени и хилых городских паучков. За годы забвения бесконечные слои пыли и грязи спрессовались в единый монолит отборного перегноя и там вполне удалось бы выращивать трюфели не хуже французских.

"Интересно, и за что это мы собираем по 80 рублей с носа на уборку дома? Это же рассадник малярии и энцефалитных клещей!" – в Насте просыпалась дремавшая доселе гражданская сознательность. – "А в нашем доме живут маленькие дети, лишённые здоровья и самообладания старушки, и вот кстати молодые педагоги, надежда общества. Устроили здесь серпентарий!"

Настины ноги мягко пружинили по новооткрытой экосистеме, и вдруг луч фонарика выхватил что-то блестящее в самой глубине под верхней ступенькой. Она наклонилась и не смогла сдержать вздох облегчения – миссия состоялась, чудо отечественной стоматологии тихо лежало прямо перед ее глазами. Подлестничный микромир уже свыкся с прилетом к ним неопознанного объекта: бабкины зубы, наполовину скрытые в древней пыли, были надежно оплетены паутиной и наверняка служили самым шикарным домом для целой колонии простейших. Настя двумя пальцами подхватила протез, брезгливо им потрясла и заулыбалась. Во-первых, побывавшие в экстремальном путешествии зубки предстояло носить не ей, а, во-вторых, шансы попасть на линейку значительно возростали.

Продолжая по инерции шарить лучом фонарика по полу, окрыленная успехом учительница заметила, что блестит еще кое-что. Прямо в углу у стенки угадывался стальной шов подвального люка.

– Дожили! – пробурчала Настя, слегка заведенная утренней эпопеей. – Граждане не знают о возможных путях отхода на случай атомной войны и прочих мировых катаклизмов! Правильно дед говорил: развалили страну. А ведь там, наверное, роскошное бомбоубежище с неприкосновенным запасом тушенки и сухариков для всех жильцов нашей панели. Тех, кто постоянно прописан, конечно. Ладно, потом разберемся. Мамуля, вы сами до автобуса дойдете? Я-то сейчас бегом побегу.

Все это время Нина Васильевна с сомнением рассматривала блудные зубы, обретенные ценой столь невероятных усилий. Свекровь уже твердо вошла в драматичный образ Короля

Лири после потери всех благ земных, и так просто расставаться с привилегиями вселенской страдальницы не желала. Теперь, когда вождельный ряд передних и вторых боковых был у нее в руках, злоупотреблять невесткиным вниманием становилось затруднительно. Нина Васильевна судорожно перебирала в уме все возможные хвори, которые могли внезапно подкосить ее слабое здоровье на фоне пережитого стресса. Идеальный недуг был обязан обеспечить не только глубокое смятение близких и родных подальше, но и выдоить положенные дивиденды. В качестве приятного приложения к перекошенным от забот лицам домочадцев свекровь охотно бы приняла отдельную квартиру и безутешных детей, день и ночь бдящих у постели умирающей, готовых на любой подвиг, чтобы только скрасить последние тридцать–сорок лет жизни старушки. При этом потомкам полагалось не надоедать маменьке своим присутствием, много зарабатывать и каждый день развлекать ее по-новому, то в Монте-Карло, то в Баден-Баден, ибо по телевизору сказали, что это хорошо.

Всякое по мелочи, типа беспрепятственной трансляции по ТВ программы "Пусть говорят" и засахаренных лимонов, которые Нина Васильевна обожала, само собой подразумевалось.

По-прежнему стоя в темном подъезде и теребя в сухих ручках центральной элемент своей челюсти, мысленно бабка уже унеслась через столетия, к неизбежному финалу всех редких болезней: к пышным, торжественным похоронам, с военным оркестром, вереницами одетых в глухое черное людей и всенародной скорбью. Скорбь по великому замыслу должна была длиться долго, очень долго, передаваться из поколения в поколение, хотя нет, лучше, если все участники траурной процессии вдруг разом падут, сраженные непомерным горем...

Настя с тревогой наблюдала за калейдоскопом выражений, сменявшихся на свекровином лице со скоростью вспышки: сетка морщин то складывалась в клубок вселенских печалей, то растягивалась до блаженной улыбки объевшегося тортом ребенка.

"Да, сдает старушка, – подумала Попова-младшая. – Вот к чему приводит смычка города и деревни в таком возрасте! А этим коновалам из поликлиники все равно, говорят, отправьте ее на природу. Там поля стоят не паханы, мол, без такого бульдозера. Бездушные люди!"

– Мамуля, – Настя настойчиво лезла в бабкины мечты, – может, вы на почту завтра сходите? Я совсем опаздываю, нет времени вас провожать.

Свекровь только собралась завести привычную песню о том, насколько ничтожно молодежь ценит ее великий материнской подвиг, беспримерный в истории человечества, как двери лифта в очередном раз разъехались и выпустили на волю самого главного человека в доме – слесаря-сантехника Геню.

– А-а! Анастасия свет Борисовна, наше вам здрасте, – пропел Геня, сбегая по лестнице. – Наслышан о вашем бодром утре. Ну как, обрели вы счастье свое?

Настя радостно закивала головой:

– Да, нашли, хотя пришлось попотеть. Зато опаздываю теперь, сами же знаете, сколько от нас выбираться. А мне еще маму до почты надо проводить.

Геня тут же по обыкновению протянул руку помощи – молодые и симпатичные женщины всегда вызвали в нем всплеск благородных чувств.

– Так давайте вашу зубную фею мне, – предложил мужчина, – я как раз в ту сторону. Главное, чтобы по дороге из нее лишние детали не сыпались.

Настя с благодарностью взглянула на сантехника, ободряющее похлопала свекровь по плечу и вылетела из подъезда, не дав мамуле опомниться и завести свои саратовские страдания.

– Адью, Настасья!

Геня махнул вслед посылавшей ему воздушный поцелуй девушке и подмигнул ее свекрови:

– Милая дама, цепляйтесь крепче. Я буду вашим спутником на маршруте дом–почта. Но обратно вам придется вести, а то и нести меня самой! Намечается выгодная замена прокладок в продуктовом напротив.

Нина Васильевна, опешившая от перемены мест провожатых, покорно дала себя прицепить к Гениному локтю. Парочка засемила по тротуару, охая старушечьим голосом и замирая около всех барышень с юбками выше колена. Яркая точка Настиного плаща еще некоторое время маячила впереди, но вскоре совершенно слилась с багрянцем осеннего пейзажа.

Учительница нервничала и торопилась не зря. Время в пути из их микрорайона, с размахом отстроенного на окраинах большого города, и до школы никакими разумными величинами не ограничивалось. Главный архитектор жилого массива был истинный виртуоз шлакобетонной панели и мастер урбанизации самых пасторальных ландшафтов. Имея в своем распоряжении весьма ограниченный набор-конструктор советского строителя, из домов, прудов и садов он сумел создать город будущего, как его представляли в конце семидесятых. Типовые двенадцатиэтажки унылым веером расходились от центров районной культурной жизни – магазинов "Диета" и "Вино-водочный". В четырех темных тухлых водоемах водилась неведомая рыба, а последние дома упирались прямо в самый настоящий лес, на чем городская цивилизация и заканчивалась. Вернее, цивилизация там в принципе шла, как пишут в объявлениях о продаже посредственных дач, "по границе". То есть за пределами микрорайона уже давно наслаждались суши и запросто ходили в 3Д-кино, тогда как его обитатели застряли на макаронах по-флотски и жизненных коллизиях "Просто Марии".

Когда-то эти дома должны были решить жилищную проблему сибирских нефтяников и старателей Заполярья, но по странному капризу судьбы место застройки совпало с отметкой "101-ый километр", и круг претендентов на социалистический рай расширился. Год за годом он заселялся суровыми ребятами с Севера и авантюристами всех мастей, и в конце концов по духу стал напоминать Дикий Запад Америки, где состав участников во времена первых переселенцев был примерно тот же. А по устойчивости жителей к невзгодам бытия район опережал не только Новый Свет, но большую часть матушки-России.

Единственная проблема, которую не смогли решить ни архитектор-планировщик, ни постоянные жалобы жителей, заключалась в том, как из этого района выбраться на Большую Землю, то есть в городской центр. Гипотетически в распоряжении местных жителей имелись автобусы и трамвай, но до них надо было не только дойти, а еще и суметь как-то ввинтиться в нутро всегда забитого транспорта, не выпадая из него на следующей остановке. Для пушного колорита автобусы ходили редко, а трамвай как-то вообще стеснялся показываться.

Настя успела родиться, вырасти, закончить школу и сама же начать в школе преподавать, а ситуация с наземным сообщением в районе не менялась. На последней скорости несясь к остановке, девушка лихорадочно прикидывала, а есть ли шансы успеть на линейку пусть не вовремя, то хотя бы с не критическим опозданием. Так, чтобы незаметно слиться с коллективом и вместе, единым фронтом, выступить против сомнительной личности нового директора.

Народу на остановке скопилась тьма, что с одной стороны вселяло надежду на скорое появление автобуса, а с другой, самые выгодные позиции для его штурма были заняты. Первую линию уже оккупировали весьма агрессивно настроенные граждане, закаленные регулярными боями и дергающиеся теперь в фальстартах. Наконец, на радость Насте появился желтый Икарус гармошкой, замерев дверью прямо напротив девушке. Полоса везения продолжалась: каким-то чудом ее зацепил активный дедуля с тележкой на колесиках, который, распахивая конкурентов локтями, вслед за собой просто внес Настю в подошедший транспорт. Притулившись у окошка, она отряхнула плащ и погрузилась в воспоминания о втором отделении педсовета, проведенном учителями после дебюта Леонида Серафимовича. Но уже без звезды первого акта.

И задуматься над этим стоило всем без исключения.

Глава 3

О минорном финале педсовета коллектив школы, сплошь состоящий из людей неглупых и опытных, догадывался. Правда, по мнению педагогов, его тяжкие последствия должны были упасть на голову бывшего летчика, и, если не раздавить, то точно контузить. После первой же ходки Поленко в народ, свидетели этого события собрались на импровизированную летучку в коридоре.

Марина Тухтидзе, жестоко обманутая в своих матримониальных ожиданиях непригодным ко флирту и пламенной страсти полковником, шипела на ухо Динаре Ефимовне:

– Заморыш. Да он ростом с сидящую собаку, и глаза как у дохлой рыбы. Нет, Динарочка Ефимовна, мы с ним не сработаемся. Совершенно бесполезен в прикладном плане. Ну вот инфузорию же от юбки-плиссе не отличит... Может, он вообще взяточник или даже хуже того – женатый! Вам как показалось?

Заслуженный преподаватель английского могла бы ручаться – ей не показалось. Женатым полковник мог быть только на какой-нибудь упертой греховоднице в качестве посланного проклятия. Чтобы, значит, она еще при жизни смогла искупить не только за себя, но и на сто поколений вперед.

– Есть вещи и пострашнее, чем окольцованный... хм... друг сердца, душа моя, – возразила нюхавшая пороху Динара, биологичка же с сомнением поджала губы. – Уж поверьте моему опыту. Меня охватывают смутные сомнения относительно наших премий, да-да. Больно ретивые запросы у этого авиатора недоделанного, как вы считаете, Амалия Петровна?

Математик василиском взглянула на дверь, за которой Поленко давал первую аудиенцию блаженному Тихону. Видимо, какие-то тлетворные флюиды в кабинет все же проникли: стало слышно, как полковник перестал бубнить и закашлялся.

– Считают у меня на уроках, господа, а я уверена, – отрезала Винтер. – Мне все равно, какие запросы у этого пигмея, но удовлетворять их советую как можно дальше. От меня. От школы. И от города в целом. Мадам Вишневская, а вас как всегда общие дела не касаются? Вы все надеетесь на торжество мирного атома, не так ли?

Женщина-физик нехотя оторвалась от созерцания нескольких из своих подбородков в карманном зеркальце, отстранила незаметно подобрывшегося под сень ее богатого тела физика и ехидно зашевелила усиками.

– Что вы, Амалия Петровна, меня таки наши дела очень волнуют, – нарочито гнусавым голосом отозвалась Вишневская. – Вот буквально не буду ночью спать, так переживаю за вашу печень. Это видимо она вам и нам заодно травит всю красивую жизнь. Вы бы проверились, что ли. Глядишь, чужие торжества вас бы не задевали, – физик с удовольствием поймала ненавидящий взгляд Амалии и резко вильнула в сторону. Метод назывался "контрастный душ" и был чудно эффективен, чтоб пронять некоторых до истерики. – По поводу вашего Леонида Ага-сферовича – но пасаран, как говорится. Назар Никонович, это у нас какой по счету лишний директор?

Берин сложил на подоконник висевшего на нем историка – последние полчаса впечатлительный знаток мировых культур благодарил Назара за свое чудесное спасение на педсовете. Элегантным движением холеных рук химик поправил галстук, пригладил бородку, чем вызвал жар и трепет среди молоденьких англичанок, и улыбнулся:

– Дорогие дамы, вы все сегодня – само очарование. Давайте не будем ссориться, тем более по такому ничтожному поводу. А по существу, мне надо посоветоваться с мамой. Интересно, как к нам занесло старичка, здесь не богадельня. Хотя... Не в моих правилах обижать пожилых, но, боюсь, Серафимыч сейчас набирается плохого от нашего пролетария, – Берин кивнул на дверь кабинета, где Поленко все еще раздавал сверхсекретные поручения Тихону. – Но в

целом... Тот, кто направлял его судьбы корабль, уж поднял парус. И совсем не в ту сторону. Скоро мы увидим труп нашего врага, если терпеливо подождем. Я чувствую. У меня все, – Назар Никонович уверенно посмотрел на собравшихся.

– Истину глаголишь, – вдруг шалыпинским басом заговорил до этого никем не замеченный, как и подобает серому кардиналу, школьный завхоз Финоген Семенович.

Дальний потомок отважных финансистов, сосланных в эти места еще при царизме за безудержную смекалку и неумение делиться, Финоген был прирожденным стяжателем. Период первоначального накопления капитала он счастливо завершил еще дошкольником, нажившись на продажах мальчишкам сушеных кузнечиков под видом отворота от ремня родителей. Девочкам облагороженные гуашью прыгуны продавались в качестве лекарства от выпадения волос у кукол.

Дела шли бойко, но уже тогда маленький Феня знал, что наглеть не стоит. Он сам вывел основную аксиому успешного дела: клиент должен быть доволен, и обезжиривать его следует нежно. Чудо-кузнечики не были полной профанацией: родительские сердца смягчались при виде юного натуралиста, стоящего в углу с хрупким насекомым, и рука на сорванца не поднималась. Девочки тоже не знали разочарований в покупке: кудри у советских кукол и так сидели намертво. Зато цветастым кузнечиком можно было здорово поугагать бабушку, сказав, что вот так выглядит колорадский жук, пожравший всю картошку. Два в одном, как сказали бы теперь, и за смешную цену: осторожный Феня менял свой экзотический товар на посильный взнос продуктами или ненужными вещами. Среди последних попадались весьма интересные экземпляры, ибо ненужными детскому разумению представлялись иногда вещи вполне ценные.

К получению аттестата зрелости Финоген подошел уже вполне состоятельным молодым человеком, что во многом и обусловило блестящие оценки в документе об окончании школы. Образование помогло ему вывести вторую аксиому, важную для избранной стези: большие капиталы нуждаются в малой огласке. Достойный юноша не лез на рожон и не играл в хозяина жизни. Третья и главная аксиома, достойная того, чтобы ее увековечили в золоте и включили в программу обязательного обучения, досталась Финогену Семеновичу по наследству: надо делиться!

Полвека пронеслись как один миг. Менялись власти, распадались империи и возникали содружества, в унылую уездную жизнь вторгались орды мигрантов и технический прогресс, но аксиомы работали. Финоген без конца покупал, менял, расселял, прикармливал и дожил до того дня, когда уже все было и ничего больше не требовалось. И не хотелось. Дом – полная чаша, надежно размещены капиталы и удачно пристроены дети, выплывшие в большой международный бизнес. Финоген Семенович хандрил – желать оставалось нечего.

И тут случилось чудо! Сотворили его три абсолютно замухрышечных Свидетеля Иеговы, даже не уполномоченные их шарлатанским начальством на подобный подвиг. Расписанный под хохлому "Майбах" Финогена на минутку остановился у центрального городского парка – босс затребовал "Эскимо", которое продавалось в единственном уцелевшем в вихре перестройки киоске. Привычные сумерки сознания Свидетелей помешали им трезво оценить обстановку, они выстроились клином и храбро полетели на не спасенного пока Финогена. То ли воистину Бог хранит сумасшедших, то ли будущий завхоз почувствовал руку провидения, только Свидетели выжили, а богатейший человек города стал обладателем брошюры под интригующим названием "Царствие Небесное".

Дальше обложки не привыкший тратить время на глупости Финоген читать не стал, но и этого было достаточно. Он уже точно знал, чего ему не достает в жизни: райских куш, молочных рек или хотя бы уверенности в том, что они для Финогена Семеновича зарезервированы. Первое собеседование с бабушкой показало, однако, что не все так просто. Отец Андрей озвучил знаменитую притчу о богатстве и игольном ушке, испытующе глянул на олигарха и осторожно заметил, что выплата десятины за все пропущенные годы могла бы значительно уско-

рять дело. Но Финоген пока не торопился в лучший, но все же незнакомый мир. Как человек практичный и экономный, он взял неделю на раздумье и засел за Святое Писание в поисках менее болезненных вариантов. Озарение настигло его сразу же: Финоген Семенович понял, что он – верный кандидат по статье "блаженные нищие духом". Он давно уже ничего не хотел и ничему не был рад, осталось только разбавить это дополнительной простотой и смирением. Так Финоген Семенович стал завхозом школы с углубленным изучением языков: скромно, но вполне сочетаемо с привычной деятельностью. Те же люди, те же задачи.

Украшив собой слаженный коллектив работников образования, самородок от финансов уже в самом скором времени стал истинным хозяином школы. До назначения Поленко без согласования с завхозом не решалось ни одно дело, будь то приобретение макета звездного неба в натуральную величину для кабинета физики или создание очередного фонда для покрытия подобных экстренных нужд.

Сейчас впервые за пятилетку Финоген Семенович почувствовал некоторое оживление, его седые мохнатые брови уже начали свое движение к переносице, спина распрямилась, чего не случалось со времен лихих девяностых, а все помыслы переместились в сферу уничтожения врага. Созревала четвертая аксиома дельца наивысшего порядка, которую на другом конце Земного шара в то же самое время в муках рождал президент свободных штатов: в целях профилактики нападай первым. Не важно, если противник еще и сам не знает, что он против; превентивная атака гарантировано избавит его от таких вредных мыслей, и то если он, конечно, уцелеет. Финоген Семенович, завхоз и миллионер, понял, что надо действовать.

Для начала необходимо было выяснить, каким ураганом бравого авиатора занесло в лучшую в городе гимназию. Разыгрался он явно неслучайно, ибо на ниве образования Поленко был зеленый салага, без признаков опыта по части сложной комбинаторики школьной жизни. Вычислить розу ветров и найти, откуда дуло, завхоз поклялся самолично. Сейчас покровителям Поленко, где бы они не находились, по всему суждено было обываться, так часто и так нелитературно их поминали.

На том и порешили: красавец-химик обещал пораспрашивать державную матушку, Финоген Семенович – потрясти частный капитал, а "Могучая Кучка" и Ко возлагали большие надежды на Районо, ведущий центр слухов и сплетен по области. Леонида Серафимовича обложили со всех сторон, штат его врагов рос в геометрической прогрессии. И это еще до того, как он столкнулся с самой коварной и непредсказуемой силой возглавленного им рассадника знаний – родительским комитетом и непосредственно дорогими детишками.

До этого момента ему оставались считанные часы.

Глава 4

Прохладное сентябрьское утро было солнечным и ясным, что по мнению большинства учеников элитной школы как нельзя меньше подходило для достойного начала учебного года. Под град с дождем, завывающий ветер и ненастье в духе последних дней Апокалипсиса не так обидно было бы дни напролет отсиживать в классах и усваивать строение пестиков с законами Ньютона, столь необходимыми каждому в послешкольной жизни. Тот факт, что этот день был первым из девяти бесконечных месяцев дисциплины, зубрежки, экзаменов и контрольных, поднимал настроение только самым отпетым отличникам и первоклассникам, еще не понимавшим своим наивным малышковым умом, что десять лет – это очень долго.

Примерно так рассуждал шестиклассник Тарас Динин, критическим взглядом обводя шеренги торжественной линейки: родителей, прикрывавшихся своими нарядными чадами, колонны независимых старшеклассников и учителей, настроенных весьма серьезно. Такое количество цветов мальчик видел только на похоронах папиного коллеги, а то был очень грустный момент. У Тараса слезы навернулись на глаза: вот и его сейчас замуруют в этом склепе науки почти на целый год, и даже не оставят ободряющей надписи, какая украшала глыбу каррарского мрамора для дяди Коляна: "Спи спокойно, а мы разберемся". От сокрушительной жалости к себе, невинно обреченному на тяготы и лишения среднего образования, у мальчика задрожали коленки и гулко застучало в груди. Тарас решил, что достаточно пострадал за прогресс и под прикрытием своего огромного букета попытался просочиться в задние ряды зрителей, откуда до выхода со школьного двора было рукой подать.

Неожиданно на его плечо легла тяжелая длань Динина-старшего, известного в городе коммерсанта, бывшего борца греко-римского стиля и нынешнего авторитета для многих молодых спортсменов и прочих крепких ребят. Интерпол тщетно искал Павла Динина где-то между Кап-Ферра, Лондоном и Кокосовыми островами, он же мирно жил в уездном городе, куда не дотягивались вредоносные щупальца международных душителей личной инициативы.

– Что, сынок, соскакиваешь? Мама расстроится, – Павлик потрепал сына по голове. – Сам подумай, полсрока уже отмотал, недолго осталось. Я в твои годы по поездкам... Ну, короче, не вышло у меня счастливого детства. А тебе повезло, братан, школа, знания всякие. Большим человеком станешь, как Финоген Семеныч.

Тарас с недоверием прикинул, стоит ли стремиться к таким высоким идеалам. Завхоз, на его взгляд, был мрачный старикашка с лицом, как будто навсегда окисленным острым несварением желудка. Наконец, он шмыгнул носом и вздохнул:

– Хорошо, пап. Ты только учительницу не вспугни. Анастасия Борисовна добрая. Она конкурсы всякие обещает, театр там. Пусть мама меня после уроков заберет, а?

– Лады, – Павел подставил сыну раскрытую для ответного хлопка ладонь. Получив звонкий удар, он одобрительно улыбнулся и предложил: – На выходных на рыбалку тебя возьму. Иди, Тарас, мне еще надо здесь по делу пошуршать кое с кем.

Папа строгим взглядом придал сыну нужное ускорение, и мальчик, ловко орудуя локтями и колючим букетом, стал пробираться к только что подошедшей классной руководительнице. Анастасия Борисовна, запыхавшаяся и со сдвинутой набекрень прической, с самым рассеянным видом отвечала на вопросы родителей. Дети, не проявлявшее после веселого и вольного лета особого желания погрызть гранит науки, стояли чуть поодаль, не теряя надежды на нечто экстраординарное, что могло бы навсегда положить конец обязательному образованию. На всякий случай – может, папа еще смотрит, чем занят наследник – Тарас подошел к учительнице и запричитал:

– Ой, Анастасия Борисовна, как хорошо, что вы пришли! А я все лето по школе скучал, по урокам всяким... – начищающий дипломат замаялся, воскрешая в памяти хотя бы названия

тех предметов, с которыми он вел неравный бой весь прошлый год. Как назло, перед внутренним взором Тараса всплывали только тарзанки, клубника с сахаром, мохнатые гусеницы, зато́нные в банках, исключительно в целях наблюдения за их реинкарнацией в бабочек, купание в морях и реках – в общем, все те великолепные летние развлечения, которые не только не давали скучать, но и были много милее его сердцу, чем школьные будни. Замечтавшись, Тарас ослабил бдительность и заступил за белую линию с надписью 6 "Б". Проворная Анастасия Борисовна тут же поймала мальчика за руку и быстро подтянула ему в пару отличницу Сашу Багрову, существо бледное, хрупкое и чрезмерно укомплектованное знаниями. Назад дороги не было.

– Молодец, Динин! Теперь у тебя скучать времени не будет. В этом году нас ждет много нового и интересного: физика, химия... – оптимизм Тараса таял на глазах, пока учительница перечисляла, чем время его жизни будут убивать в этом учебном году. Он вздохнул, потряс уже много повидавшим букетом. Раз уж так вышло, мальчик решил использовать момент и войти в Сашино доверие, исключительно ввиду будущей взаимопомощи на контрольных.

Раздался треск, тонкий свист и микрофон заревел бодрым голосом Динары Ефимовны:

– Внимание, дети, родители, – на подмостках англичанка чувствовала себя распрекрасно. Видно было, что другие солисты ей в принципе не нужны, поэтому объявление о выходе следующего оратора прозвучало квело. Выпустив из легких почти весь воздух, Динара махнула рукой куда-то в сторону и затараторила:

– Выступает новый директор нашей дорогой во всех смыслах школы, Леонид как ни странно Серафимович! Он тоже приготовил вам, да и нам, разные сюрпризы, о которых я-то уже знаю, а вот вы еще спали этой ночью спокойно... Но это жизнь, как говорится, сейчас исправит!

Большинство присутствующих верило в стародавнюю русскую примету, надежную, как Братская ГЭС – держаться подальше от инициатив, призванных немедленно улучшить жизнь у всех без исключения. Одолеваемые дурными предчувствиями школьники, их родные и учителя сомкнулись тесными рядами, готовясь внимать заявленному реформатору. Директор окуньком проскользнул на середину трибуны, отеснив Динару от микрофона, и тусклым взглядом обвел площадку перед собой. Они стояли теперь один на один: общественность и перекошенный от лишней энергии Поленко. Взволнованные массы колыхались и бурлили, переливаясь разноцветным целлофаном букетов, гремя портфелями и смягчая даже черствые сердца полянками пышных бантов. У директора эта картина вызывала тошноту. Он понял, что устраивать дивный новый мир надо здесь и сейчас.

– Товарищи! – загудел Леонид Серафимович похожим на прокисшее молоко голосом. – Я вас поздравляю! Прежде всего с тем, что наконец-то школа в опытных руках человека, который знает. Все знает. И что делать с ней тоже. Переделывать, вернее. Больше у нас не будет всякой ереси, типа беготни в коридорах, педагогов-диссидентов и самоуправления в виде родительских комитетов! Дисциплина – это наше все, и я бы не советовал об этом забывать, как делают некоторые. Не будем показывать пальцем, мы и так прекрасно знаем, что это всякие химики да историки.. – Поленко в упор взглянул на Назара Никоновича, стоявшего от него по левую руку. Вероятно, бывший легчик-испытатель не вполне отрешился от старого мира и по-прежнему желал острых ощущений. Мрачно-загадочное выражение лица Берина ему подобные ощущения гарантировало вполне. Директор отвел глаза, но речь продолжил:

– Да, и историки... Изжившие себя в век ЕГЭ псевдоспециалисты! Родителям предлагаю не стесняться, а подходить ко мне для беседы по одному. Для подробного анализа будущего их детей в моей школе. Ученики! Быстро и без шума шагаем парами к раздевалке, там теперь каждый день мы станем проверять чистоту рук и учебников. Да, и сменку! Помните, девиз

нашей школы с этого дня – скромность, послушание и это... Тишина! Кстати, об этом. Амалия Петровна, а где Тихон Гаврилович?

Ледяная королева интегралов не интересовалась жизнью насекомых, а по сему пролить свет на местонахождение трудовика не могла. Не удостоив директора ответом, математичка одним слегка заметным кивком головы направила ставшие четкими колонны старшекласников ко входу в школу. Вслед за ними с видом каторжан на владимирском тракте потянулись ровесники Тараса Динина: слишком опытные и много видевшие, чтобы верить в сказочные истории о прелестях учения, но еще очень далекие от заветного финиша и будущей нежной дружбы в "Одноклассниках". Замыкали шествие щедро украшенные цветами и родительскими напутствиями первоклашки, с умильными личиками семенящие за своими учителями.

В суматохе воцарения начальника-самодура все как-то позабыли про розовощекую девочку в белых кружевных лентах. Она восседала на плечах рослого, но слегка уставшего выпускника и битых полчаса истошно звенела в звонок. Теперь, когда площадка перед школой стремительно пустела, одиннадцатиклассник решил, что пришло время привыкать девочке к суровой правде жизни. Без особого пиетета свалив бантичное безумие прямо перед оставшимся в одиночестве Поленко, он пробурчал что-то невнятное о новых порядках и резво проскакал ко входу в здание. Юноша скрылся в школьном подъезде, и директор с девочкой, плотно втиснутой в белое с горохом платье, остались во дворе одни.

Это был первый близкий контакт Леонида Серафимовича с детьми: свои у летчика завести побоялись, чужие же, надежно запуганные его прототипом в русском сказочном фольклоре – дедом Бабайкой – были осторожны и к Поленко не приближались. Пухлое создание с колокольчиком, так подло обманутое в своих ожиданиях быть гвоздем праздничной программы, уже кривило губки и шмыгало носом, и, когда не разбиравшийся в девичьих горестях директор загробным голосом прошипел: – Где твоя мама? – первоклассница разразилась рыданиями. Как все избалованные дети, она плакала профессионально, с подвываниями и всхлипами, не забывая при этом поглядывать на аудиторию. Поскольку директор, в отличие от прежних зрителей, стоял столбом и не проявлял действенных намерений успокоить чадо, девочка пошла на крайние меры: упала прямо под ноги бывшему летчику и принялась истошно верещать.

Обескураженный Леонид Серафимович вначале беспомощно топтался вокруг орущего ребенка, затем попытался поднять ее с асфальта и придать вертикальное положение. Схватка была неравной: дочь явно любящих родителей не только имела весовое преимущество перед сухощавым директором, но на ее стороне имелся опыт баталий с бабушкой за велосипед и домик для кукол. Мертвой хваткой она вцепилась в чахлый кустик с клумбы под школьными окнами, точными ударами туфелькой отбрыкиваясь от доведенного до ручки дяденьки и вопя ультразвуком. Не известно, как долго бы еще смог продержаться как Поленко, так и его рассудок, но вдруг прямо за его спиной материализовалась блондинка в умопомрачительном платье.

– Марточка! Крошка! Что случилось, сокровище мое?? – заламывая руки, запричитала прекрасная незнакомка. – Этот дядя тебя обидел, да?

Поленко отпрыгнул от девочки на безопасное расстояние, откашлялся и коршуном накиннулся на красавицу:

– Вашего ребенка обидишь, как же! Уймите ее наконец. И что вы вообще себе тут позволяете, женщина! У нас режимный объект, дисциплина, а она орет благим матом. Если не умеете воспитывать, не беритесь. Отдайте в школу, только не в мою, – тут директор критически посмотрел на слегка поутихший пончик в бантиках, – а в какую-нибудь попроще, для буйных. И на диету посадите, раскормили девицу... Она у вас на свиноматку похожа, зарежете в голодный год. – Поленко уже вполне оправился от потрясения и привычно хамил окружающим.

Если бы новоиспеченный директор хоть немного разобрался бы в тонкостях школьного порядка и устройства, он бы доподлинно знал, что случайным детям колокольчики первого

сентября не раздают. Для этого у первоклассника должны быть необходимые качества в виде, например, известных родителей или лоббистов в Районе. Девочка Марта нужными достоинствами обладала безусловно: ее папа, заммэра города, помимо дорогого ребенка был обременен трубопрокатным заводом, сетью супермаркетов и другими милыми его сердцу игрушками для взрослых.

Михаил Владимирович, разбогатев, отправил постаревшую первую жену на богомолье и как-то за делами позабыл вернуть обратно. Детей и имущества, о которых знала бы супруга, у них не было, поэтому после блиц-развода заммэра зажил холостяком спокойно.

Приятельствовал с Финогеном Семеновичем, которого считал человеком исключительной бодрости духа и коммерческой фантазии, потихоньку перекраивал администрацию города и губернии в целом, интересовался зарубежной географией в части хранения непосильно нажитого – в общем, был занят. И вот однажды, исключительно ради обмена опытом с такими же попечителями Отечества, он побывал в далекой Панаме. Эта поездка переменяла все и была почище Финогеновского озарения после встречи со Свидетелями: заммэра влюбился. Избранницей его каменного прежде сердца стала восхитительная красавица-журналист Вероника, прозябавшая на вилле российского пресс-агентства уже восьмой год и отчаивавшаяся составить свое женское счастье с коренными обитателями этого ромового узилища. Михаил Владимирович поразил ее слегка побитое тропикозом воображение, и они зажили душа в душу. Обзаведясь второй, на этот раз, любимой женой и долгожданным потомством в весьма солидном возрасте, заммэра души не чаял в своих девочках и баловал их безмерно.

И вот в эту самую минуту Леонид Серафимович, директор и камикадзе, с упоением поливал грязью красавицу-жену и к тому же мать единственной наследницы этого золотого человека. Вероника, женщина спокойная, но любившая справедливость, базарной лексикой не владела, несмотря на прекрасные университеты, преподанные ей на знаменитой вилле мастерами этого жанра. Дослушав оглушительную тираду Поленко до конца, она подождала, пока пылкий мужчина скроется в глубине двора. Затем, вырвав беснующееся чадо из шипов боярышника, Вероника просто позвонила любимому мужу.

– Кроличек, здесь какой-то сумасшедший – он называет себя Директором – бродит по Марточкиной школе. Я видела, как он толкнул нашу девочку прямо в грязь. Да, сам взял и толкнул, представляешь, дорогой! А потом, кажется, даже хотел ее ударить. И на меня накричал... Сейчас? А я не вижу, ушел куда-то. Конечно, узнаю! У него лицо потомственного олигофрена и взгляд такой, м-м-м, дикий.

Трубка ответила мягким мужниным баритоном и лицо Вероники просветлело. Она положила телефон в сумочку, подхватила дочку и направилась к подъезду школы. На другом конце города в своем кабинете Михаил Владимирович массировал виски, чтобы хоть немного прийти в себя и не перебить всех идиотов города сразу, без опознания.

Определенно, колокол Марточки сегодня звонил по Поленко.

Глава 5

Напрасно Леонид Серафимович, тряхнув стариной, истребителем носился по гулким коридорам довоенного школьного здания. Тихона Гавриловича нигде не было. Дома у него никто не отвечал, мобильным подозрительный трудовик ни с кем не делился, а подсобка стояла необитаемой с мая месяца. Кроме похожей на корабельные канаты паутины и засохшего блинчика краски там не нашлось ничего, напоминающего о хозяине. Поленко вслух пообещал неверному вассалу самое волнительное будущее и отправился к Финогену Семеновичу для принудительной передачи всех непосильных финансовых дел в его мудрое директорское ведение.

А с Тихоном Гавриловичем все уже случилось. За каких-то двенадцать часов новообращенный фанат полковника пережил самые яркие события своей и без того нескудной жизни. Выйдя накануне с педсовета, окрыленный трудовик со слезами на глазах благодарил провидение и не совмещаемую с работой язву предыдущего директора. Он летел домой, рассылая прохожим пучки своих самых лучезарных улыбок, столь действенных, что одна впечатлительная старушка дома заявила детям, будто видела свою смерть. Учитель твердо решил выполнить наказ Великого Кормчего и Благодетеля образования, как он в мыслях кратко называл Леонида Серафимовича, и к утру изготовить полный и подробный отчет о каждом сотруднике их школы, а также, в качестве комплимента, выпилить лобзиком парадный портрет Поленко в мантии и с восхваляющей надписью. Он даже попытался сочинить славословие директору в стихотворной форме, но ангелы-хранители Земли Русской помешали свершиться этому сомнительному замыслу: и без того поэзия приходит в упадок.

Придя домой, Тихон еще с полчаса от переизбытка чувств вальсировал по комнатам, напевая с придыханием: "Великий, великий человек!", потом хлопнул себя по голове и засел за монументальный труд. Работа спорилась. Благодаря случайному выбору полковника открылся главный талант Тихона Гавриловича и суть его бытия: он был прирожденным, гениальным доносчиком. В годы расцвета Тайной Канцелярии его кляузы вошли бы во все хрестоматии для начинающих шпииков, а способность подмечать или воображать, что подметил нужные следствию детали ставили бы в пример. Правда, сам Тихон точно не дожил бы до половозрелого возраста, задушенный поклонниками своего таланта. Дедушка Фрейд наверняка объяснил бы пристрастия Тихона неудачами на личном фронте, но в реальности у его неиссякаемого вдохновения были гораздо менее изящные источники: зависть и желание показать всем кузькину мать.

Трудовик состоял в бурной, пусть и односторонней переписке со всеми инстанциями городских и районных властей. С каждого письма он снимал копию, складывал в личный архив и делал приписку, каким именно непечатным словом вахтер учреждения мотивировал свой отказ в принятии сверхважной корреспонденции. В школе повелитель гаечных ключей и гуру стамески тоже не терял времени зря, ежедневно скрупулёзно записывая всякие мелкие новости, сплетни и почасовую раскладку жизни коллектива. Наряду с хаотичным и нудным потоком сознания автора, в его дневниках нашлось бы немало удивительного для заинтересованных лиц: тут были и странные посетители Финогена Семеновича с подозрительными коробками из-под ксероксов, и влюбленные, но не совсем совершеннолетние воздыхательницы Берина, оккультные сеансы Марины Тухтидзе и многое, многое другое. Сейчас Тихон Гаврилович перелистывал свой кондуит – клеенчатую тетрадь в клетку с птичкой на каждой странице. Он гордился собственной предусмотрительностью и укреплялся в мысли, что лучше не растаскивать великую летопись на цитаты. Решено было передать записки Поленко в их первоизданном виде, без купюр. Квазимодыш любовно упаковал тетрадь в бездонный карман, пришитый к брючкам

с изнанки, плотно завязал тесемки морским узлом и вздохнул: многолетний труд нашел своего читателя.

На лобзик еще оставалась пара часов, Тихон довольно зажмурился и сложился кузнечиком в мягком кресле перед телевизором – заслуженный отдых после успешной умственной атаки. За окном моросил последний летний дождь, часы убаюкивающе тикали, а будущее было фантастически приятным. В нем Тихон стоял у руля управления школой плечом к плечу с Поленко, и директор ласково улыбался своему единственному помощнику. Вот трудовика выбирают учителем года, да что там, столетия, всенародным голосованием, толпа почитателей круглосуточно дежурит у его подъезда, записывая номерки на руке в очереди прикоснуться, а то и просто посмотреть на эталон педагогической мысли. Его мемуары выходят в свет, первые сорок томов наблюдений за прошлый год. И вот слуга превосходит хозяина, Поленко остается далеко позади и умоляюще смотрит в голубую высь на своего бывшего подчиненного. Но Тихон знает, что время великих людей дорого и не может его тратить на какого-то бывшего летчика. Он получает безвозмездную ссуду от Района, за заслуги, ну скажем, триста тысяч и строит роскошный дворец прямо напротив школы. Фасад собственноручно украшен макраме из березовой коры, а на резном крыльце выжжены по дереву отрывки из его сочинений. Масштабы уездного города слишком мелки для Тихона, он выходит на международную арену, и тут ему уже рукоплещет загнивающая до его появления Европа. Как же, ведь это он придумал, хм...да все придумал именно он! Америка, земля новаторов и деловых людей, немедленно выписывает гения из заснеженной России.

И вот он мчится на громадной яхте, и не такой, какую Тихон видел у сторожки Рыбнадзора, а целой! Яхта уносит его к берегам Нового Света, где вокруг топчутся американские миллионеры и слезно просят совета. Прямо по курсу – Майями!

Далекий и почти нереальный город Майями был для Тихона сосредоточием всех мыслимых и немыслимых благ, конечной точкой на пути в рай, его Валгаллой и Эльсинором. Там, на берегах неведомой Атлантики ждали утомленного путника социальная помощь, приветливые миграционные службы и простор для творчества. Обо всех этих плюсах Тихон знал не понаслышке: в прошлом году, для расширения кругозора, он затеял переписку с трудовиком из этого города мечты, Карлосом Пуэнтосом. Карлос был вырвавшийся из объятий коммунизма кубинец, человек бывалый, что и позволило ему не прибегать к услугам психотерапевта после первого письма Тихона Гавриловича. До Дяди Сэма в свое время Карлито добрался на собственноручно выструганном плоту, это и помогло ему найти себя в каменных джунглях капитализма. Он стал учителем ремесла в школе для трудных подростков. Не вполне еще американец, мистер Пуэнтос гордился своей новой Родиной, но старался особо не рекламировать ее за пределами – самому не хватало. А то ведь понаедут!

Поэтому на вопросы незнакомцев о его жизни во Флориде, штате цветов, он всегда старался отвечать и отвечать честно. Что трудно, надо много работать, учиться, ходить на курсы, расти над собой, соревноваться с коллегами, а в свободное время читать полезную литературу и соревноваться с коллегами, только уже в вольном стиле, вне офиса. Например, сразиться с ними в регби или за распродажный телевизор в Черную Пятницу.

К письму Тихона Карлос тоже подошел обстоятельно. Хотя работал он еще недолго, но познакомиться с приметами сложновоспитуемых успел и в письме заокеанского коллеги уловил знакомые нотки. «Сэр нуждается в немедленной помощи», – от всего сердца ответил он Тихону. – «Алкоголизм и сумеречные расстройства лечатся в наше время очень успешно». Гугл перевел это весьма вольно, и Тихон выжал из послания только ощущение полной поддержки со стороны Соединенных Штатов.

Итак, заслуженный учитель плыл в сторону жемчужины американского континента. Вот Майями уже замаячило на горизонте пальмами и приветственным салютом. Тихон Гаврилович в позе и почему-то даже в камзоле Наполеона стоит на носу своей выросшей до размеров

"Пелоруса" яхты. У его ног суетятся малые народы и президенты стран большой восьмерки... И тут сон закончился.

Тихон Гаврилович очнулся в тот самый страшный предрассветный час, который называется часом быка: время между тремя и пятью пополуночи. В народе он известен разгулом всякой чертовщины, а среди работников скорой знаменит инфарктами и прочими расстройствами здоровья со смертельным исходом. На часах было четыре. Без пяти минут спаситель человечества заметался по комнате, хватаясь то за лобзик, то за брюки и что-то бормоча про первых петухов, которые должны были вот-вот нагрязнуть и принести с собой Поленко.

– Леонид Серафимович, я вас не подведу! Уже бегу, – воскликнул Тихон, до предела выпучив прозрачные голубые глазки и вытянувшись в струну перед полной луной в окне. В этот момент его сходство с нечистой, но не совсем могущественной силой было абсолютным, и провинциальные театры знатного упыренка оторвали бы с руками. Стремглав слетев по лестнице в компании клеенчатой тетради, Тихон лесным оленем мчался к школе. Автобусы еще не ходили, честные люди спали и только несколько неисправимых городских плохишей шатались по улицам в поисках легкой наживы. Безусловно, они предпочли бы нежных пугливых дам в норковых манти и бриллиантах, но час быка и доя них стал роковым. Навстречу криминалу несся неустрашимый Тихон Гаврилович. Статистика ночных ограблений после этого сократилась примерно вдвое, и долго еще в далеких скитах и психбольницах бывшие злодеи вспоминали об улюлюкающем дьяволенке с жезлом Апокалипсиса, он же лобзик, наставившем их на путь истинный одним своим видом.

Добравшись до ограды родимой школы, Тихон слегка отдышался и завертел головой. Признаков жизни в пустом дворе не наблюдалось, только высаженные еще первыми большевиками тополя стучали ветками и скрипели. Трудовик решил не поддаваться меланхолии, навеваемой темным зданием и гулом ветра в кронах деревьев. Смело форсировав невысокий забор из сетки, будущий герой бодрой лошадиной походкой, высоко подкидывая коленки, порысил ко входу – наверняка Леонид Серафимович уже давно ждет его там, изнывая от нетерпения.

Подойдя к двери парадного, Тихон Гаврилович сразу же с облегчением заметил, что она не заперта, и сквозь щель льется вполне себе гостеприимный свет. Скользнув внутрь, трудовик, как человек педантичный и внимательный к деталям, дверь все же затворил – а вдруг война и немцы, надо сохранять бдительность! В предбаннике у раздевалки стоял стол главного школьного борца за мир, охранника Вольдемара Афонькина или "Красномордого", как емко и со вкусом окрестила его Динара Ефимовна. На столе была накрыта на двоих не доигранная партия в домино, умело приправленная недопитой бутылкой водки и усохшими пластинками морковки. Участники банкета отсутствовали, что казалось совершенно нормально для пяти утра. Нетипичным было само украшение стола, оставленное нетронутым. Для торжественной встречи невинных первоклассников оно подходило не очень. Кроме того, Вольдемар не отличался широтой души во всем, что касалось спиртосодержащих жидкостей: водку он бы не забыл ни за что. «Значит, – подумал Тихон Гаврилович, – Леонид его высокомудрейшество Серафимович точно здесь проходил. Истинно святой человек! Наш драгоценный руководитель смог побороть этот гнойный нарост на исстрадавшемся теле российского образования. Так то, Афонькин! Поделом тебе, алкоголик красномордый».

То были отголоски давней войны честолюбий, с год назад развязанной самыми значимыми специалистами школы – трудовиком и сторожем. Стороннему наблюдателю могло бы показаться, что их отношения обречены перейти в крепкую дружбу, настолько оба совпадали в глубоком презрении к коллегам-интеллигентам. И Тихон, и охранник не признавали превосходства умственного труда над физическим, особенно, по выражению Вольдемара, в деле превращения детей в человек. Им бы сплотиться и изводить белых воротничков сообща, но карты путала внутривидовая агрессия, столь характерная для самцов в прайде африканских львов и коммунальных соседей.

Тихон раздражал Афонькина властью, которую тот имел над средним школьным баллом и накрепко с ним связанным кошельком родителей. Квазимодыш обожал вызвать к себе каких-нибудь солидных отцов семейств и ласково напомнить, что только абсолютная успеваемость по его предмету может обеспечить ихним ребятишкам путевку в ПТУ. Папаши бледнели, просили учителя быть построже и не думать, будто эти шалопаи подтянутся до уровня Мастера. В результате, труд на пятерку не знал никто, кроме самого Тихона Гавриловича. Зато все знали, что приглашения в дневнике от этого учителя игнорировать не стоит.

Полномочия Афонькина были куда скромнее. В общем-то, они ограничивались ворчанием на грязную обувь посетителей и подвижные игры в раздевалке. Зато Вольдемар дружил и обменивался опытом со всеми участниками Великого водочного пути, от агрономов пшеничных полей до художников бутылочных этикеток, что делало его постоянной величиной в любых уравнениях на троих. Таким макаром он умел договориться с любым человеком по любому вопросу, что богомолообразному Тихону не грозило. Кустарное производство мебели из телефонной проволоки, затеянное Гаврилычем для обретения аналогичной народной любви, не принесло результатов. Вернее, трудовик уже был близок к заслуженному общественному резонансу, но тут пропажу нескольких километров кабеля в окрестных деревнях вдруг решили повесить на директора мясокомбината. Поделки из редкого материала следствие забрало в качестве улики прямо с задворок Тихоновского дома, а сам Квазимодыш затаился, решив на будущее пользоваться менее элегантным сырьем. В общем, чаши весов колебались, Афонькин и Тихон издали ненавидели друг друга, но развязка не наступала.

Теперь, стоя в гулком и пустом школьном предбаннике, Квазимодыш был как никогда уверен в своей безоговорочной победе над этой посредственностью, охранником-алконавтом. Разгадка ребуса, в каком же отделении горбольницы сейчас латают Афонькина после его встречи с директором, занял еще с десятка чудесных минут. Бальзамом излились на истерзанное трудовое сердце мысль о том, что за ненаглядного Леонида Серафимовича беспокоиться не приходится. Педсовет показал, что директор способен запросто сокрушить несогласных словом, а не делом, то есть без уклона в тяжкие статьи Уголовного Кодекса. Значит, обошлось без кровопролитья и милиции. О, это сладкое чувство, когда убираешь давних врагов чужими руками!

Прикинув диспозицию, трудовик решил, что сон про Майами и грамоту "Учитель Года" был таки вещий, и пообещал себе в ближайшее время заняться покупкой парадной одежды для достойной встречи всемирной славы. Не то, чтобы он собирался изменить выстрадавшему имиджу в виде черного костюма-тройки с вороним галстуком и лаковыми туфлями; по разумению Тихона это торжественно-похоронное обрамление приятно оттеняло больничную белизну его зубной керамики, подчеркивая исключительную стройность и красоту членов. Просто привычный образ стоило бы – не ради себя, а для удобства армии поклонников – слегка разбавить черными очками или вожделенным браслетом часов "Сейко", на которые теперь, безусловно, удастся накопить. Всеблагодой Леонид Серафимович уже наверняка это продумал.

Тихон, вертясь и скашивая глаза за спину, внимательно оглядел себя в зеркале у раздевалки. Ревизией, судя по всему, он остался доволен чрезвычайно, и честно говоря, тому был повод. При взгляде на него начитанным и незлобивым людям вспоминалась княжна Марья из "Войны и Мира" в части лучистых очей и отсутствия даже намека на гармонию и красоту во всех остальных отделах Тихоновского организма. Детям и коллегам попроще он виделся каким-то чудесным чахоточным уродом, находящимся в вечном бессмысленном движении и без конца верещащим птичьим голоском с клетотом на обертонах. Голова, венчавшая сушеное тельце в черном футляре костюма, была всегда чуть склонена набок, рот сложен клювиком, и только выражение прозрачных голубых глаз выдавало постоянную заботу, не свойственную пернатым. В этом смысле черные очки пришлось бы весьма кстати.

Тихон Гаврилович любовно разложил на острых коленках клеенчатую тетрадь, где еще оставалась пара чистых листов. Скрупулёзно и со знанием дела расписал под текущей датой всю сервировку последнего банкета Афонькина. Не забыл и обстоятельства, при которых это неслыханное попустительство обнаружили. Парой минут раньше, заглянув под стол, он с ликованием извлек еще две пустые бутылки и морковочный хвостик с необычайно кудрявой зеленью. Такой богатый верх мог быть только у корнеплода, выращенного на опытной грядке Марины Тухтидзе с применением ей одной известной смеси компоста с аспирином.

– Саботаж и расхищение казенного имущества, – отчеканил трудовик, вспоминая директорское прорицание на педсовете. – А я вам, Вольдемар, обещал, что вы не будете работать в этой школе. Оставить пост, побросать свой реквизит и даже не потрудиться оставить объяснительную записку! Работничек, – фыркнул Тихон. Вдруг он вздрогнул, выпучил глаза, а лицом в бледных разводах стал напоминать новомодные столешницы под мрамор из пластика: – Да это же увольнение по статье! – страшная догадка молотом ухнула где-то за сердцем, побоксировала с желудком и дошла до головы, где и растворилась в поисках мозга. Тихон Гаврилович жизнь вне работы отрицал. Афонькин, отчисленный из стана трудящихся за халатность и пьянство на производстве, как бы исключался из окружающей действительности вообще. Его ждали забвение, позор и само собой ежедневные письма от Тихона с подробным напоминанием о пережитом. Мысль беспокойного пролетария уже аллюром унеслась к этому роскошному финалу, когда червь сомнения проделал дыру в картине об изгнанных из рая. Может быть, не уволят?

А вдруг только строгий выговор и прощай, сладкое видение: Вольдемар в лаптях и домо-тканых обносках стоит под окнами своего бывшего врага и льет голодные слезы, дабы разжалобить справедливое, но непреклонное сердце Тихона Гавриловича... Нет, нельзя допустить, чтобы приказ об увольнении не нашел своего героя! Надо скорее бежать к Поленко, он уже наверняка заждался и сам жаждет поделиться новостями о нерадивом секьюрити.

Трудовик поспешно захлопнул свой кондуит, аккуратно расправив верхние загнутые от времени кончики страниц, где пестрела маленькая желтая птичка. В сборнике его мудрых заметок о житие всей школы оставался один лист, на котором Тихон собрался черкнуть прославляющую оду Поленко взамен так и не выпиленной по металлу миниатюры. Он даже вывел вверху название и теперь, сосредоточенно высунув синий, как у корейской собаки, язык, заботливо обводил его завитушками и недавно самолично изобретенным руническим узором.

"Всемиловитый и всемогущий" – скромно, но метко и по существу", – решил Тихон, не подозревая, что некоторых пророков в истории человечества уже так называли и последователи до сих пор весьма ревностно следят за плагиатом. Дальше дело застопорилось, родник вдохновения иссяк на первой же рифме.

– Наш Леонид побеждает колит! Нет, это как-то фамильярно и непонятно, не прикладывать же господина директора ко всяким больным местам, даже если поможет... Весь мир пред Поленко стоит на коленке! Тьфу, ну вот мы, например, с Леонидом Серафимовичем на равных, а против правды нельзя, не солидно... Ладно, – сдался трудовик, – лобзик надежнее и все привычней. Завтра же займусь скульптурой малых форм, а сейчас скорее к начальству!

Он поспешил по длинному коридору первого этажа, в самом конце которого находился кабинет директора, закуток его секретарши, медпункт и кабинет труда с подведомственным ему складом поломанных стульев, обрезков ткани, выжатых тюбиков суперклея и другого бесценного для рукастого человека добра. Напротив владений Поленко висели расписание уроков и доска почета с портретами наследников лучших семей города. Некоторые из этих выдающихся учеников окончили школу совсем без четверок. О пятерках и говорить нечего. Они были стабильные удовлетвористы, и пусть тройки ладными завитушками украшали их табели, зато ниже они никогда не падали. Нет ничего лучше надежных, устойчивых результатов!

Была в конце коридора и еще одна дверь, чисто покрашенная, с неясным и зловещим знаком вроде черепа с костями; вела она в святая святых, красу и гордость Финогена Семено-

вичка – учительскую уборную. В узкой с высоченными потолками комнатке на подиуме о трех мраморных ступеньках сияло японское чудо сантехники – глянцевого и гладкого, как кит, сенсорный унитаз. Адская машина была поумнее некоторых с доски почета и продавалось вместе с пухлым руководством по эксплуатации, основная мысль которого состояла в том, что дурными руками в этот апофеоз интеллектуальной техники лезть не надо. Унитаз наигрывал расслабляющую музыку, массировал остеохондроз, проверял уровень сахара и гормоны стресса, и это помимо основной нагрузки. Для учеников и не дослужившихся пока преподавателей он был легендой, ибо прикасаться к чуду полагалось только метрам и начальству. В преддверии первосентябрьского столпотворения храм гигиены щерился грозной черной табличкой с молнией и призывом не влезать.

Тихон Гаврилович прошел весь этаж и застыл у директорского кабинета. Дверь была прикрыта, и за ней явно улавливалось чье-то осторожное присутствие: легко шуршала бумага, медленно открывались и закрывались ящики древнего, но крепкого стола из ольхи – по всему выходило, что Леонид Серафимович здесь и осваивает новое для себя место. Будущий заместитель откашлялся, громко и художественно выбил на косяке пару тактов из его любимой песни о счастье и, не дождавсь приглашения, чуть приоткрыл дверь.

– Глубокочитимый Леонид Серафимович, как же так вышло – я здесь, а вы здесь еще раньше! – бодро крикнул Тихон во тьму комнаты. – Все, все у меня тут в тетради, и то, что я только что видел там, в коридоре! Вопиющее безобразие нас с вами постигло, господин директор, вернее, нас еще постигло, а вы уже разобрались своей многоумной карающей рукой!! Вот, смотрите! – смелым жестом фокусника, легко превращающего вагон тушенки в дачу на Рублевке, он распахнул дверь в коридор и укоряющим перстом указал на стол, свободный от Афонькина, но не от его хобби-набора.

Тихон точно знал: святейший Леонид Серафимович не одобряет самодеятельности и личных вещей на рабочем месте. Нарушивший святые заповеди дисциплины Вольдемар наверняка уже удостоился самого сурового наказания, а теперь он отгребет как рецидивист, ведь там, в тетради, описано еще много моментов из его бурной тяги к веселью. По расчетам коварного трудовика Поленко всю должен был коршуном пикировать на место преступления, но в кабинете никакого движения не ощущалось. Тихон осторожно сделал пару шагов в темноту и прикрыл за собой дверь.

– Леонид Серафимович?! – он вопросительно взглянул в сторону проема, отделяющего кабинет директора от комнатки секретаря. Директор почему-то не торопился отзываться, и Тихон забеспокоился: неужели Поленко передумал насчет крепкой спайки двух волей, или, что маловероятно для человека строгих правил, пал жертвой гастрономических привычек Красномордого?

Он внимательно оглядел кабинет. В секретарском предбаннике, где последние сорок лет бессменно царствовала Неонила Павловна, год от года все более укреплявшая характер и выдержку, начальника не наблюдалось. Там высилась накрытая чехлом печатная машинка, пахло пылью и доисторическими духами, но никаких признаков полноценной административной жизни не было. Тихон замер в недоумении: он мог бы поклясться, что именно отсюда слышались все те звуки, которые минуту назад делали присутствие Поленко фактом. Сейчас же в комнатке стояла абсолютная тишина и пустота, только ненавидящая все живое китайская черепаха Неонилы прилепила злобный глаз к круглому стеклу аквариума, где она провела все лето на диете и в одиночестве. Незванный ночной гость уже был мысленно разобран оголодавшей рептилией на окорок и шейку, и только ее природная заторможенность сохранила трудовой организм Гаврилыча в целостности. Избежав таким образом первой опасной встречи в директорских покоях, Тихон, не раздумывая, ринулся в объятия второй.

Свет лился непосредственно из кабинета Поленко, и трудовик, балансируя на цыпочках, ночной татью подлетел к арке. Вытянув шею, как выставочный индюк-чемпион, он необычай-

ным с точки зрения физиологии движением мышц вставил голову в щель приоткрытой двери. В кабинете оказалось на удивление пусто, только на столе горела лампа и лежал листок бумаги, весь расчерченный восклицательными знаками – видимо, Поленко выпускал пар после собрания. Тихон Гаврилович, вмиг забыв про странные шорохи, серной метнулся к столу, дабы первому припасть к источнику директорской мудрости.

– От преданного друга и помощника драгоценный Леонид Серафимович не стал бы скрывать важную информацию! – успокаивал свою ветреную совесть лучший сотрудник школы. – К тому же это наверное записка с указаниями, где же состоится наше архиважное совещание и мой доклад по ситуации... Конечно же, как я сразу не подумал, здесь могут быть чьи-то уши! – Тихон плавно съезжал в раж привычной мании преследования. – Однако, предусмотрительно! Ну-с, вперед.

Трудовик обогнул пару этажерок, нагруженных тяжеленными фолиантами школьной истории, и уселся за Поленковский стол. Ощущение ему понравилось, Тихон даже решил, что для подготовки к его будущей великой миссии перевоспитателя человечества необходимо посиживать в этом кресле хотя бы несколько дней в неделю. Заодно избавить любезного, но уже не раз контуженного на предыдущей работе летчика от тягот руководства их вконец распутившимся заведением. Глаза Квазимодыша заволакивались слезами восхищения и благодарности самому себе, но тут от шкафа бесшумно отделилась неясная тень, занесла над светлой головой явно тяжелый предмет, и через долю секунды прожектор школьной перестройки уже аккуратно лежал под столом.

Тихон Гаврилович был без сознания.

Глава 6

В одном трудовик оказался совершенно прав: судьбоносная встреча Камикадзе и Красномордого действительно состоялась. Накануне вечером после педсовета директор еще немного попримерял новый кабинет, пощурил глаза своему отражению в зеркале, отработывая зверское выражение лица для раздачи зарвавшимся подчиненным, и с чувством выполненного долга отправился домой. Внизу у раздевалки сидел охранник, по совместительству сторож и подсобный рабочий, с терракотово-красным лицом записного индейца и ясным взором, лишенным всякого подобия мысли.

Это была любовь с первого взгляда: литой мозг Вольдемара пазлом встал в пару с плоским и пустынным, как автобан в Неваде, сознанием бывшего летчика-испытателя. Знала бы Марина Тухтидзе, что не с разноцветной магией следует заигрывать, коли желаешь обрести своего астрального близнеца. Общность интересов – вот, что составляет идеальную пару!

Перекинувшись всего парой слов, Леонид Серафимович и Афонькин тут же почувствовали, что знакомство надо закрепить, а сам факт его – отметить. Наплевав на начало будней недели и завтрашний богатый на мероприятия день, новоиспеченные друзья засели за аперитив. На закуску с экспериментальной грядки кабинета биологии была вырвана одичавшая за лето кривая, мелкая и даже червивая морковь.

– Самая польза в ней, Серафимыч, – назидательно и с расстановкой учил директора Вольдемар. – Потому и червивая такая, что очень натуральная. Оттягивает. Весь вред от алкоголя, говорю, оттягивает на собственную дезинфекцию. Поэтому мыть ее не надо, а то все целебные свойства теряются.

В пару к чудодейственной моркови откуда-то из недр стола появился сморщенный и чуть пахнувший мышами огурчик.

– Великий русский писатель Лёв Толстой очень любил огурцы, – наставительно заворчал языком Вольдемар. – Потому что в них плавает особая минеральная вода, очень полезная для мозга, – он выразительно постучал пальцем по лбу, радостно жмурясь ответному гулкому звуку. – Только ей и спасаюсь. Ну, за тебя, Ленид Серафимыч! Чтоб все, значит. И чтоб ты их здесь вздрючил как следует.

Директор согласно кивал, стаканы звенели, а дружба накалялась. Началась плотная, по всем правилам, смычка социальных слоев на основе суперэффективной смазки – литровой сорокоградусной. Первым актом премьеры их совместной попойки дирижировала общедоступная "Пшеничная", на втором же от щедрот Поленко на столе появилась "Белуга", и Афонькин понял, что умирать не страшно: лучшее в подлунном мире он уже видел. И пробовал в отличной компании.

Полковник тоже отдыхал душой. Впервые за последние десятилетия он встретил человека, абсолютно ему ясного и понятного, а главного, полностью разделявшего его чаяния и заботы.

– Вот понимаешь, Вова, они же здесь все – вредители! Да еще и в самоволке, – Афонькин сочувственно кивал головой и сквозь отяжелевшие веки ласково и тупо, как квочка-мать на птицефабрике, смотрел на директора. Проклятым вредителям он бы и сам навредил с удовольствием, если бы мог уложить хотя бы две мысли рядом и придумать, как. Полковник проникся Вовиным участием и выплескивал наболевшее фонтаном:

– И эти недобитки еще мне рассказывают, как я ими должен руководить. Распустились совсем без твердой руки. Ты один меня понимаешь, друг. И я тебе как на духу скажу: вместе-то мы им здесь таких дел наделаем! Согласен?

Видимо, морковь на этот раз была не вполне свободна от нитратов, потому как Вольдемарову часть спиртов на себя не приняла. Сидя на стуле, он описывал круги всеми не закреп-

ленными конечностями, включая голову, которая в его организме выполняла роль противовеса и иной смысловой нагрузки не имела. Мутный взгляд Афонькина хотя и сквозил любовью к Поленко, но продолжения связной беседы не обещал.

Леонид Серафимович заботливо налил охраннику еще стакан – он где-то слышал, будто подобное лечат подобным, что-то там про "в стакане лекарство, в ложке яд". Просто, решил полковник, пока доза была ни туда, ни сюда, так, в глаза закапать. Надо скорее добрать до полезного уровня, чтоб полупустое состояние не навредило организму.

Последние двести грамм, влитые в Вольдемара согласно принципам гомеопатии, окончательно убедили полковника в том, что это – лженаука. Лечение не помогло, охранник рухнул под стол вверенного ему объекта и признаков скорого пробуждения не подавал. Леонид Серафимович, согласно кодексу мужской дружбы, не бросил воина на поле брани, а заботливо переложил бесчувственное тело на скамейку в учительской раздевалке и плотно прикрыл дверь.

– Спи, дорогой Вова, нас ждут великие дела! – торжественно и почти внятно провозгласил директор. Несмотря на плотную дымку алкогольного тумана в голове бравого летчика, план перекройки школы приобретал все более четкие очертания. Сам Поленко, натренированный на авиационных жидкостях и нестандартных смесях в период сухого закона, бодрой походкой отправился домой. Его сердце пело, встретив верного и дельного соратника, а разум заметно подтянулся после приема огуречной воды.

"Ну кто они против меня? Хмыри провинциальные, вот они кто. И сегодня как я их отделал! – вспоминал директор по дороге. – Морально раздавленный противник к борьбе непригоден. А если еще и без финансовых вливаний! Премия им... Нет такого слова в нашем учреждении! Не заслужили пока", – Леонид Серафимович в который раз подивился собственной изобретательности. Ведь как ловко все получилось! Объектом он руководит меньше суток, а генеральная линия их совместной со школой жизни уже начертана. Нет сомнений, что припипсаные к ней байстрюки от образования самоисправятся в самое ближайшее время.

Умиротворенный и до краев наполненный верой в себя Поленко нырнул в подъезд одного из самых прогрессивных домов города, монолитную башню из утопии позабытого ныне Чернышевского – стекло и бетон. В засаженном вековыми липами центре она смотрелась как зеленые дреды на голове примы-балерины в "Жизели", но отцам-администраторам из мэрии нравилось. Чиновники, а также члены их семей в свое время пасовали перед вескими аргументами, которые подрядчик подробно изложил им в выездной сессии Гордумы на Майорке. Теперь автор уездного ответа Манхэттенским небоскрегам без стеснений продолжал творить и в других районах города, хотя простых жителей старательно избегал. И без того к его скульптурам слагали булжники, так и норовя снести ими особо удавшиеся композиции. Все-таки, народная любовь – штука непредсказуемая, а архитектор не гнался за свежими впечатлениями.

Самая известная его постройка, жилой комплекс напротив городского парка, носил многообещающее название "Иглостар". Или "Чучело", как знали это чудо таксисты, хотя лингвистически подкованные граждане и пытались заливать что-то про "Старого орла". Башня стала первым приютом Поленко на новом месте, но в самом скором времени он рассчитывал перебраться в небольшое имение в английском стиле, отстроенное на сэкономленные от приобретения указок и паркетной мастики деньги.

А пока приходилось ютиться в трех спальнях, вознесенных на сорок второй этаж супердома, парящего над городом в облаках выхлопа с другой местной гордости – нефтеперерабатывающего завода имени Святого Иова Многострадального, покровителя всех вредных производств. Слегка грассирующий на манер балеруна-француза риэлтор окрестил элитные апартаменты "хай-теком для успешного эгоиста". Текущая мадам Поленко немедленно парировала, что, хоть ее супруг и эгоист первостатейный, но хаять она его предпочитает сама, без всяких современных вывертов и теков. Что и доказывала ежедневно, стремясь благим матом придать Поленке облик нормального человека и мужа. Летчик дрессуре поддавался неважно,

то и дело выпячивая очередную, незаметную раньше мерзкую грань своей в этом смысле многосторонней личности.

Подкидывала сюрпризов и новомодная квартира: в ней была установлена система так называемого интеллектуального дома, должна неимоверно облегчить жизнь хозяев и превратить ее в обломовскую сказку. Хитрые сенсоры предугадывали все пожелания квартирантов области жилищной эксплуатации. Шторы бойко открывались с рассветом, лампы включались и выключались по мере движения в лабиринтах нетиповых просторов, а робот-пылесос вечно кружил по периметру, собирая и превращая пыль и мусор в оригинальные поделки. Это и сотня других вестников прогресса давили на психику мадам Поленко сутки напролет. Одурев от высоких технологий, она даже выписала из родной деревни стиральную машину-полуавтомат Sanyo MW, которую родственники за ненадобностью собирались уже приспособить под помидорную рассаду. Бестолковый агрегат радовал глаз своей куцей по нынешним просвещенным временам формой и полным отсутствием интеллекта, не говоря о творческих способностях. А уж когда отказалась работать центрифуга и стиралка протекла, Клавдия и вовсе вздохнула спокойно: эта восстание машин в чудо-доме не организует.

Мадам Поленко боролась за уют как могла. Она было попыталась облагородить современное жилище напольным фонтанчиком и леопардовым ковром на стене. Под гляцевыми серебристыми потолками голубые огни светодиодов закрыли расписные закомары, но неистребимый дух хай-тека пер ото всюду. Бедная женщина спасалась только сермяжной крестьянской простотой и забористой настойкой алтайский трав, однако и это проверенное снадобье уже не отвлекало от горьких мыслей. При взгляде на неприкаянную гостиную из гнутых трубочек и стального сита, Клавдия худела и теряла тонус для своих основных занятий: перевоспитания Леонида Серафимовича и вышивку подушек национальным узором. Наконец, ведомая несвойственной ее наливному организму хандрой, Клавдия оказалась у мага, целителя и просто фантастического мужчины Господина Рафаэля. Среди энтузиастов оккультного дела заскучавшая супруга бывшего летчика как-то сразу выделила Нину Васильевну, филигранно разбирающуюся в метафизике и имеющую объяснения на все мучившее новую знакомую проблемы. Бойкую и неунывающую старушенцию, мать начинающего ученого и свекровь законченной учительницы, утомило мракобесие домашних, не верящих в кодирование по фотографии. Спасения от сатанинского коллайдера и спрядений она искала у леших да домовых.

Вместе женщины погрузились в чарующий мир приворотов, венцов безбрачия и проклятий до стопятого колена. Их сердца навсегда завоевали простые, но надежные рецепты, типа сожжения шестиугольного клочка с блузки обидчицы в ненастную погоду. Подруги часами могли говорить о достижениях современной магии и способах прогнать грусть-тоску с ее помощью. Вместе штудировали "Колдовской вестник" и "Хрестоматию ворожбы на дому", вместе дивились правдивым примерам из жизни таких же простых людей, нашедших золото лепреконов или заговорившихся от облысения всего лишь с помощью яйца, праха, черного воска и жира муравьяда. Вдвоем вздыхали о далеком заокеанском дереве сейба, на ветвях которого, по уверениям местных черных колдунов, сидели самые могущественные в мире духи. Конечно, духи из тропиков, не обремененные проблемами центрального отопления и парниковых огурцов, определенно имели больше сил для исполнения парочкиных пожеланий. Увы, до сейбы пока было не добраться.

И сейчас, в первом часу ночи, две подруги сидели напротив толстой горячей свечи и сосредоточенно заворачивали чайные ложки в полосы из газет. Бабуля сдобным голосом Арины Родионовны рассуждала об алгоритме предстоящего эксперимента:

– Вот говорю тебе, душа моя, Господин Рафаэль меня предупреждал. Нельзя отклоняться от заклинания, потому у нас и успеха нет. Сказано: "Осените гадание лапкой дикого зайца троекратно и, повернувшись на восток, скажите: "Перун, защити!". Вот где у нас лапка? – в

ответ мадам Поленко душераздирающе вздохнула и опустила плечи. Нина Васильевна попыталась приободрить наперсницу:

– Клавочка, голубчик! Почему заяц-то лесной нужен? Потому как в лесу он от всякого зверья натерпелся, страдал, значит, заяц много. И лапа у него, получается, налилась потусторонней силой через все, что косой пережил. А ты вот думаешь, шиншила твоя с шубы меньше зайца страдала? – Нина Васильевна сделала страшные глаза, и Клавдия тут же прониклась глубиной шиншилловых бед. – Так давай лапку и возьмем с шубы, даже благородней. Осеняющий грызун – как заказывали.

Владелица мехов согласилась, хотя доводы многомудрой и опытной подруги ее убедили не вполне. Вопрос на повестке дня стоял крайне важный и требовал абсолютной стерильности всего магического реквизита. Мадам Поленко намеревалась узнать, станет ли ее любимый лысый котик чемпионом выставки в субботу и будет ли ей от этого счастье.

Сфинкс появился у Клавы недавно. Количество нерастраченной любви, заключенной в ее мощной оболочке, достигло в тот день критического максимума. Половодье чувств захлестнуло всегда строгую женщину, и большая часть бурного потока обрушилась на жалкое создание, увиденное Клавдией на рынке садоводов. Продавец явно чувствовал себя не в своей тарелке, предлагая этот выверт селекции за деньги, и успокаивал совесть тем, что называл уродца экзотом. Мадам Поленко не стала разбираться в диагнозах страшилы. Любопытство мгновенно перешло в жалость и затем вполне себе по-русски в любовь. Кот был взят на довольствие и за пять минут взял штурмом не только пылкое сердце Клавдии, но и ее руку, и кошелек.

Теперь женщина боролась за публичное признание исключительных качеств своего любимца. Если бы Клавдия просто опросила соседей и случайных прохожих на улице, она уже могла бы быть спокойна: общественность давно пришла к единому мнению, что Поленковский котик держит мировое гран-при за уродство. В этом плане сочетание бело-розовой кожаной тушки и заостренной хищной физиономии представлялось беспроегрешным вариантом. Худое ушастое существо с кривым частоколом острых мелких зубов к тому же обладало характером избалованного нефтяного принца: потребляло только домашний творог с рынка и чуть обжаренную парную печенку, спало на подушках из шелка с мышинным узором, не терпело сквозняков, шума и когда мимо него ходят – в общем, кот был создан для полной, яркой жизнью сибарита и гедониста.

Загвоздка состояла в том, что хозяин дома, Леонид Серафимович, такой жизнью планировал жить сам и конкуренты ему казались без надобности. Открыто воевать с котиком ему не хотелось: Клавин любимец был злопамятен, как слон, а итальянские ботинки и хорошие брюки у директора заканчивались. Поэтому летчик уже пару лет занимал выжидательную позицию, внимательно наблюдая за котиковым самочувствием и время от времени подсыпая ему в еду таблетки никотиновой кислоты. Он читал, что они и коня не скаку прикончат, но эта животина оказалась стойкой.

Господин Рафаэль на первом свидании со сфинксом зашелся в экстазе и попросил одолжить ему животное на спиритические сеансы. Для антуража, как утварь Мефистофеля или посланника Люцифера. Звучное имя хозяйке понравилось: хоть и отдавало оно чем-то странным, но прижилось, и получилось, что название котика полностью отражало его содержание.

И вот теперь Люциферу предстояло второе после дебюта на рынке испытание: через три дня он должен был принять участие в губернской выставке и превзойти себе подобных в лысости и сморщенности. Предчувствуя своей кошачьей интуицией этот великий подвиг, кот с удвоенной энергией взялся за капризы и даже добавил в обиход новые. Клавдия сбилась с ног, пытаясь угодить ему с питанием, мягкостью лежанки и ласковым обращением. Кот вконец забылся и обнаглел окончательно: стал охранять холодильник от посягательств лишнего в их с Клавдией союзе и вообще в доме человека, Леонида Серафимовича. Супружеское ложе огромных

размеров также было оккупировано Люцифером: в самый ненужный момент он высовывал свою милую мордашку из-под одеяла, чем доводил Поленко до трясучки. Еще котик грамотно выставлял острые и кривые как ятаган когти именно тогда, когда против них находились наиболее чувствительные части полковника. Наивная Клава пока еще не замечала революционной ситуации, а между тем свержение самодержавного котика уже витало в воздухе: угнетенный полковник твердо решил положить конец засилью домашней фауны на кухне и в спальне.

А сейчас лишенная дурных предчувствий мадам Поленко просила потусторонние силы помочь их делегату на кошачьей выставке. Совместными усилиями ложки были надежно завернуты в длинные бумажные полосы и укрыты полотенцем с веселенькими глазастыми помидорами, призванными, видимо, привести в тонус волооких славянских богов, ответственных за эксперимент. Для решения котикового вопроса Господин Рафаэль посоветовал побеспокоить Перуна и Кострубоньку, в честь которого праславяне устраивали и гораздо более странные мероприятия.

Городской чародей нисколько не сомневался, что эти боги непременно захотят принять участие в судьбе колоритного котяры; в случае их принципиального согласия, ложки чудесным образом должны были самоосвободиться от бумаги прямо под полотенцем. Очевидно, ложкам-Гудини требовалось больше тренировок для успешного показа их номера: до сих пор на гаданиях Клавдии происходило что угодно, но только столовые приборы крепко и неизменно сидели в бумажных гнездах – на Перуна им было начихать.

Не теряя веры в успех их безнадежного предприятия, мадам Поленко начала сеанс любительской магии.

– Ну, Васильевна, вроде все на месте... Так, ложки мельхиоровые старые – четыре штуки, горсть пепла, фото Люцифера, ах вот еще, газета...

– Клавочка, душа моя, – забеспокоилась многоопытная Нина. – А газеты-то, полосочки наши, это из-под духовного содержания газеты? А то ведь, сама знаешь, с этими иродами натовскими любое гаданье насмарку. Вранье одно.

Клавдия крепко задумалась, но тут же просветлела:

– Так то же "Вестник бюджетника", Нин! Им только о душе и остается думать, на мирское откуда средства?

– Это точно, – вздохнула Нина Васильевна, недвусмысленно обводя взглядом богатые интерьеры Поленковских хором. – Мы, пенсионеры да врачи, только энергией космоса и спасаемся. Ладно, попозже решим, там Господин Рафаэль разработал новейшую методику привлечения достатку и отвлекания мужа, чтоб не пил. Во сне ему приснилась, называется феншуй. – вспомнила старушка и для убедительности задрала палец вверх.

Клавдия даже перестала дышать на минутку, такой манящей показалась перспектива волшебного разбогатеть. И не отвлекаться при этом на лишнего мужа, который дегустирует любое горячее. Мадам Поленко завертелась по комнате:

– Дорогуша, что же мне-то не сказали! Люцик может обождать, давай займемся этой феней, а то ведь сама видишь, губит себя мой Леонид Серафимович неправославными чива-сами да хенесси!

Нина Васильевна даже после краткого знакомства с отставным летчиком была уверена, что погубится скорее все живое в радиусе ста километров от полковника, но, чтобы не огорчать подругу и благодетельницу, сказала:

– Не доработана пока система-то, спонсоров он ищет для проведения экспериментов. Значит, пока по нашему, по-старославянски, погадаем – Кострубонька нам поможет! Все, теперь надо ауру декристаллизировать, и можно начинать. Вот у меня здесь мазь заготовлена и веревка имеется.

– А это зачем?

– Чтобы в гадание не привносить балласт отрицательной энергии, вот зачем. Сначала открываем третий глаз скипидарным компрессом. На пятки изнутри, верное средство! А лодыжку веревочкой перевязываешь с заклиниванием, чтобы аура не вышла. – Мадам Поленко поводила под носом крышечкой от мази, шурясь от резкого запаха. Потом взяла плотно скрученную почтовую бечевку и в сомнениях приложила ее хвостик к полной ноге.

– На колготки-то повязывать можно? – спросила она у подружки. – Ими ведь тоже можно ауру держать, по всей поверхности.

Нина Васильевна чуть не растеряла через край выпученные глаза. Видно было, что легкомысленный подход Клавдии к ритуалам ее убивает.

– Как же, краса ты моя, чулков не снимать! Это же новая технология, микрофибра, там ветры гуляют! Прогресс – первый враг третьему глазу. Не говори глупостей, горлица, раздевайся, лягай на диван и откушай скипидарчику. Я пока охранительную надпись выведу.

Несмотря на частое общение с Господином Рафаэлем, благодаря крестьянской выделке и образованию кассира мадам Поленко еще сохранила остатки здравого смысла. Валиться на кожаную дизайнерскую софу в гостиной и травиться скипидаром казалось ей не очень полезным для торжества котика на выставке. С другой стороны, лишать драгоценного сфинкса пусть и призрачной, но вполне возможной поддержки из астрала тоже не хотелось. После краткой внутренней борьбы победило тщеславие: Клавдия молниеносно сняла чулки и расположилась на софе, решив идти до конца в деле победы Люцифера на мировых аренах.

Пахучую мазь все-таки пришлось бы глотать, уж очень пристально Нина Васильевна следила за точностью рецепта. На счастье потенциальной жертвы Фармацевтического цеха при лесохвойной фабрике №2 – ведущего производителя скипидаров и поддельного янтаря в области – с последним ударом часов в два пополудни входная дверь распахнулась, и в облаке знойного перегара на пороге возник Леонид Серафимович.

Свежий ночной воздух и интенсивная прогулка равномерно распределили хмель по всем уголкам сознания директора и супруга, придав ему неустрашимое мужество для разрешения давно назревших проблем. Ухватив маслянистым взором голые Клавины ступни с аккуратно привязанным номерком, толстую погребальную свечу и старуху в черном, Поленко вдруг с ликованием понял, что он свободен. Между ним и последним звеном кошачьей мутации Люцифером не было больше преград в виде большого сердца и твердой руки его жены. Не вникая в обстоятельства постигшей его трагедии, новоиспеченный вдовец мигом подхватил меньшого брата за шкуру и выкинул в лестничный проем, сопроводив широкий жест многоэтажным напутствием. Откуда-то издалека эхом отозвался пронзительный вой Люцика о помощи, затем последовала серия шлепков и ударов, и через несколько минут воцарилась непроницаемая плотная тишина. Леонид Серафимович победоносно щелкнул каблуками и повернулся на пятках в сторону смертного одра. Оттуда не него не мигая смотрели два горящих живых глаза его благоверной. У директора, в общем-то, были более умеренные ожидания на вечер. Поленко задумчиво икнул, отвесил глубокий поклон в сторону внезапно воскресшей Клавдии и, сшибая по дороге углы и предметы обстановки, понесся в спальню.

Это была единственная комната в доме, которая закрывалась на замок изнутри.

Глава 7

– Мамап, разрешите проводить Вас к столу? – Назар Никонович подал руку эффектной брюнетке в вечернем платье, сидящей за инкрустированным перламутром столиком.

Урожденная Валорская, а в удачном замужестве Берина, Жанна Станиславовна мягко улыбнулась и погрозила любимому сыну пальчиком с изящным маникюром:

– Полно, Моп cher, мы же не в Версале! Пообедаем скромно, я распорядилась накрыть в Северной столовой. Не совсем подходит к трапезе а la Marcel, конечно, но, душа моя, и к домашней жизни стоит добавлять перчик небольшой авантюры! А то уже пять лет, как построились, а я не бывала в том крыле. Ты, кстати, не знаешь, как туда лучше идти?

Немного, насколько позволяло великосветское воспитание и привычка к сдержанности, сын поморщился и ответил:

– Мамап, вы знаете, я не люблю долгие прогулки. Даже не предполагал, что за библиотекой еще что-то есть, хотя это многое объясняет, – на прекрасное чело крон-принца династии Бериных легла печать глубокой задумчивости. Но тут же, уловив вопросительный материнский взгляд, Назар спохватился, разгладил лицо до выражения сплина не жиже баронского и пояснил: – У меня там терялся...кое-кто, в той стороне. Впрочем, уже неважно, с тех пор мои вкусы изменились.

– Ах, проказник! – Жанна понимающе прикрыла дивные аквамаариновые глаза. – И ведь кто бы мог подумать, глядя на тебя, крошку в матросском костюмчике, такого послушного всегда, такого кроткого...Впрочем, нет. Ты, кажется, послушным был только на стадии пленок. Лежишь, помню, хорошенький такой, в матросских пеленочках...

Почтительный сын взял мать под локоток в шелках и, царапаясь о тут и там выступающие бриллианты, повел ее в столовую. Нежное воркование Жанны хрупким эхом растворялось по анфиладам комнат, поглощаемое персидскими коврами, стенными панелями драгоценного дерева и прочими излишествами интерьера, праведным трудом добытыми отцом семейства в далеких заграничах.

Никон Берин, выдающийся портретист и донжуан, с начала восьмидесятых гремел на уже тогда загнивающим Западе, запечатлевая в присущей ему авангардной манере лики и чресла победителей из списка Форбс. Ежегодная ротация в рейтинге миллионеров, неиссякаемая энергия художника и его авторский подход к изобразительному искусству гарантировали Никону полную занятость. И в краткие минуты простоя, и на пике страды он не забывал оказывать мелкие услуги приятелям, самым преданным патриотам своей Родины, честным труженикам с холодными головами и горячими сердцами. Таким образом, объекты творчества Никона тоже иногда становились пылкими друзьями Советского Союза, а при новой России, в период увлечения маэстро нестандартными материалами типа пластилина или полония, даже иногда приказывали долго жить от стыда за свое прежнее русофобство. В закордонных вояжах Берин и его благодетели помнили о семье художника – осиротевших без отца и мужа Жанне и маленьком мальчике с ассирийскими кудрями, для которого папа был человеком-легендой вроде меча-кладенца: с одной стороны, исторический факт, а с другой – все очевидцы уже умерли.

Сам выходец из затерянного рыбацкого поселка, художник еще в бурные времена сватовства поклялся не дать своим детям жить так же, как отцы и деды. У суровых поморов, вероятно, были свои ценности, но маленький Никон успел застать только скромность. Практичный, как его предки, он все же верил в более материальные выражения любви и начал расширение семьи с добычи необходимой для воспроизводства населения жилплощади. По мере обретения популярности и доверия со стороны товарищей его семейное гнездо расширялась, чудесным образом наполняясь ценными безделушками и артефактами покрупнее, пока в один пре-

красный день квартиру Бериных не пришлось вынести за черту города и присвоить ей статус отдельной деревни, Заозерной-17.

Тут в неге и покое долго завязывался, наливался силой и, наконец, распустился ядовитый, как оказалось впоследствии, цветок Жанниного тщеславия. Среди немногочисленных предметов, полученных девицей Валорской в качестве приданого, нашлась старая, гнутая, но все же серебряная ложечка с почерневшим вензелем "К", которая тут же была признана неоспоримым доказательством высокого происхождения супруги портретиста-международника. Дотошное изучение исторических справочников и архива уездного ЗАГСа не подтвердило прав госпожи Бериной на достойный европейский престол, однако явило миру загадочных будто бы поляков Валорских, эвакуированных на целину с бескрайних просторов Смоленщины. Летопись сельскохозяйственных мытарств и неудач в деле коммунистического строительства явно указывала на голубую кровь переселенцев. Подобная криворукость могла быть присуща только людям, знающим о труде за хлеб насущный исключительно из художественной литературы. Назло простым работягам семейство пестрило талантами самого изысканного свойства. По всему краю им не было равных в питье шампанского, кутежах до утра и навязчивой потребности ехать к цыганам по малейшему поводу. Советская действительность не поощряла подобных увлечений, и, как всяким идейным тунеядцам, Валорским пришлось сделать своей родовой профессией дворничество и вахтерство в котельной.

Однако сполохи былого разгуляя все же оставались путеводным светом для гордых шляхтичей. В начале застойного конца Советской власти последний из могикан допрыгался до далекой северной колонии, где вроде бы и сгинул. Поездку ему обеспечили итоги блестящей операции по изъятию цветных металлов из вентилях вверенных ему котлов отопления. На его беду котлы обогревали санаторий для знатных милиционеров, которые расценили внезапное похолодание как диверсию. На многие годы опередив догадливых американцев из ЦРУ, они раздули маленькую экономическую инновацию до масштаба мирового терроризма. Пункт приема металлолома исчез с карты мира, а поляк Валорский, сверкая редкого цвета аквамаринными глазами, проклял самый гуманный суд в мире и отправился по этапу. Преступные деньги при нем не нашлись, никто не подозревал о наличии у предприимчивого вахтера близких. Собственно, здесь следствие зашло в тупик: Валорский был трижды официально женат, а сколько раз не был, этого он и сам не мог вспомнить точно и путался в показаниях. В завидной для всего просвещенного мира бордовой книжечке паспорта обнаружилось шестеро отпрысков, и это лишь те, о которых осужденный доподлинно знал. Потомки отбывшего в захватывающий мир тайги авантюриста рассеялись по окрестным городам и весям, прижились, но на протяжении всей биографии имели единые свойства: стойкий иммунитет к труду, неотвратимую тягу к прекрасному и аквамаринные глаза.

С этими-то Валорскими, по убеждению Жанны Станиславовны, она и состояла в самом ближайшем родстве. Супруга Берина, в полной мере обладавшая достоинством видеть в любых фактах только желаемый, пусть не всегда здравый, смысл, торжественно провозгласила себя баронессой Валорской, наследницей великого, но гонимого и обобранного Советами рода. История с вентилями не оставила сомнений, что предки ее занимались торговлей, операциями с драгметаллами и прочим антиквариатом. За сим пострадали невинно, разделив судьбу Джордано Бруно и последнего российского императора, а именно были изничтожены плебейми-завистниками. Проникнувшись трагической судьбой несчастных предков, Жанна полностью отгородилась от построения коммунизма и ушла с работы экскурсовода в местном краеведческом музее, так как поделки из бересты и палки-копалки навевали на нее тоску по утраченным крепостным и оброке. Заработки и положение ее верного мужа, конечно, позволяли не гореть на работе, но вот отрицание марксистско-ленинской теории грозило обернуться последствиями. В некотором роде, это могло приблизить Жанну к корням, дав ей конкретную возможность уехать в том же таежном направлении, что и дед.

Благо, грянула перестройка, быстро сменившаяся всеобщим развалом и преобразованием основ. Аристократов и новопровозглашенных графов расплодилось столько, что как-то даже более почетно и необыкновенно стало быть рядовым чертежником, не замеченным в заседаниях Англицкого клуба и скачках а-ля Аскотт. Княжеские титулы покупались тут же за партию древнеевропейских ноутбуков, а родовые земли как-то сами собой приписывались к наиболее шустрым младореформаторам. Вчерашние затрапезные завлабы и кандидаты в мастера по боксу сегодня становились господами их святейшествами герцогами, например, Василенко или Пузиковыми.

Жанна загрузила – не так она представляла себе место баронессы среди дрожащих смердов. На помощь как всегда пришел гений креативности Никон Берин, истинный провидец и конъюнктурщик. Вовремя почуяв, куда дует ветер истории, художник подсуетился и записал любимую жену в ряды новой аристократии, как никогда приближенной к богам по статусу и возможностям. Так Жанна Станиславовна Берина стала лидером правящей партии в губернии, превосходящей по размерам и скрытому потенциалу четыре Франции, семь Голландий и бесчисленное количество мелюзги типа Андорры.

Ответственностью за судьбы Родины урожденная Валорская щедро поделилась с обширным аппаратом в Гордуме и на местах: партия и регион слились в едином порыве трудового подвига. Мельница истории при поддержке федерального бюджета вдруг вывела заштатную ранее область на первые строки всероссийского хит-парада достижений. Заколосились озимые, трубопрокатный завод работал в три смены, выпуская из сэкономленного материала больше всех тяпок в Европе, а темпы коттеджного строительства опережали по размаху и скорости кипевшую в другом конце страны Великую Олимпийскую стройку. Качество жизни резко взметнулось вверх и дальнейший его рост уже заставил французские фабрики предметов роскоши наплевать на профсоюзы и задуматься о ночных работах на производстве. Злые языки как всегда молили, что дело в бесконечной энергии уставшего от прозябания русского народа, наконец, восставшего дать всему остальному миру прикурить и благополучную. Это еретическое мнение однако не просочилось дальше упадочного листка местных оппозиционеров, который те по недосмотру или из самомнения обозвали "Правда встает!", чем породили массу скабрезных анекдотов о содержании свободной прессы. Жена главного редактора, автора и по совместительству почтальона рупора оппозиции вообще предъявила ультиматум о немедленном и ежедневном претворении лозунга в быт, угрожая члену общественного движения лишением всего, коли правда не встанет.

До Жанны Станиславовны это брожение не дошло. Она с волнением глядела на лоснящиеся от улучшений лица подчиненных и случайных людей на улице, заботливо подбираемых преданным секретарем из самых веселых пациентов близлежащей клиники ожирения. Партийная дива все больше укреплялась в мысли о своем беспримерном вкладе в расцвет города и области, дальновидно отмечая при этом, что много хорошо тоже нехорошо.

По опыту рассудив, что излишнее благоденствие уже погубило Рим и прочие успешные, но изнеженные империи, Жанна решила побереечь население от дальнейших потребительских потрясений и прежде установить окончательную победу капитализма на вверенном ей полигоне семейной усадьбы. В режиме тест-драйва проект должен был наглядно показать, стоит ли он воплощения в быль в каждом глухом уголке губернии, а до тех пор госпожа Берина самоустранилась от прикладного руководства. Она избрала позицию заботливого монарха, на пяток лет отбывшего в крестовый поход во имя всеобщего счастья, ведь кто-то должен впрягаться и за высшие ценности. Напоследок введя обязательное ношение запонок для классовых советников и назначив штраф за несоблюдение политеса на приемах в администрации, она окончательно закрепила за собой репутацию спасительницы России и отбыла в Заозерную.

Прорву образовавшегося свободного времени независимая от домашнего хозяйства и прочих отрезвляющих супружеских обязанностей Жанна тратила с изощренностью Макиа-

велли. В этот сезон она крепко вошла в образ мученицы, положившей себя на алтарь бескорыстной материнской любви, и театрализованными постановками на эту тему сына доставала презрительно. В драмкружок, помимо баронессы, невольно входили товарищи по партийной работе, которым в обязательном порядке вменялось прослушивание лекций на тему Жанниной жертвенности и черствости единородного чада. Не желая оставаться единственными пострадавшими от силы валорского актерского мастерства, слаженный гордумовский коллектив с ехидством ретранслировал Назару саги о страданиях мамы и вечных ее заботах о его, неблагодарном недоросле, благе. Лицедее на зарплате – домашние работники в виде повара, горничных, садовников и слуг без определенных занятий – привыкли к хозяйским фанабериям и механически поддерживали высокую патетику момента, подгоняя нужные декорации для обмороков, хрустальных слез на фоне багрового заката и всепрощающих взглядов из глубины траурной кельи.

Любое простецкое дело превращалось в апофеоз высокого стиля: вместо конкретного "Купи хлеба", Назар Никонович давился над смс "Прости, жестоковыйный сын, что умираю без единой засохшей корки! Более не побеспокою тебя. Так ты оплатил мне за материнский подвиг!". Схватив первый в своей богатой биографии нервный тик, химик для сохранения собственного здоровья и предотвращения уже назревавшего бытового убийства взял себя в руки и впредь реагировал на все стойко и с неизменным хладнокровием, оставив сантименты

Горизонт не омрачали даже бесконечные причитания о внуках и конце славных бериновалорских родов. Недавно Жанну осенила мысль, что пронзительность ее духовного одиночества в этом мире очень бы усилил златокудрый младенец. Малыш то утыкал бы заплаканное личико в ладошки, то огромными глазами осуждающе смотрел на Назара, оскорбляющего дом жалкой учительской зарплатой. В свободное время херувимчик мог бы выгодно подчеркивать ее молодость и красоту, называть маменькой и вообще оправдывать надежды. Назар на провокации о потомстве не велся и подрывные разговоры пресекал на корню, переводя напор материнской энергии в более устойчивые русла актуальных задач.

Назар Никонович вообще был личностью весьма примечательной. Запутанная наука генетика как всегда не подвела и из бурлящего компота доминантных признаков родителей явила абсолютно необычный и самобытный экземпляр. Сын унаследовал от заслуженного папы способность химичить на любом уровне, венценосная мать передала ему блестящие кольца черных кудрей и по-Валорски аквамаринный взгляд, но на этом сходство с Бериными-старшими заканчивалось. Мальчик с детства презирал живопись, никогда не метил в предводители дворянства и первейшим деликатесом почитал кильку в томате, с восемнадцати лет отлично шедшую под коктейли собственного приготовления. Страсть к открытию неизведанных ранее и убойных по силе смесей продолжила ему дорогу в университет на факультет естественных наук, где Назар заблудил в темных дебрях органической химии. Великий папа вздыхал, но, нутром чуя второе дно в увлечениях сына, все же верил в его комбинаторский гений. Жанна же с соблюдением всех норм безопасности то и дело падала в обморок. Давая очередное последнее напутствие наследнику со своего бескрайнего ложа в стиле рококо, она шептала из пены валансьенских кружев:

– Се ля ви, сын. Если по-нашему, село в тебе живет, друг мой. Весь в отца, такой же ремесленник... Вот так одаренные дети из приличных семей вырастают и становятся школьными учителями, а убитые горем родители бессильны...

Многочисленный штат прислуги встревоженным термитником суетился вокруг своей королевы-матери, но виновник переполоха был непреклонен: всегда де мечтал преподавать и нести свет науки в инертные массы учеников. Умудренный опытом Берин-отец смутно догадывался, что доступность реактивов, вполне законная лаборантская и обилие контактов среди падкой на новшества молодежи сыграли не последнюю роль в избрании тернистой стези учительства. Жанна Станиславовна грешила на легковатое в нынешние времена поведение стар-

шекласниц, к чей свободной валентности химик охотно присоединялся – в чисто педагогических целях, конечно. В целом же жаркого конфликта отцов и детей не получалось: Назар вырос первоклассный льстец и интриган, и с приближением первых вестников семейной бури умело переключал внимание старшего поколения на более насущные проблемы.

Сейчас по дороге к столу чуткий сын в который раз воспользовался беспронимательным маневром и кардинально отвлек Жанну от скользкой темы его мутной мужской жизни.

– S'il vous plait, Маман, – галантно поцеловав родительнице руку, Назар ловко усадил ее за стол поближе к полезному для настроения и живости мысли французскому шампанскому. Сам он занял место на противоположном конце в тени прозрачных бутылок и штофов благородного хрусталя, тоже очевидно не с компотом. Вопреки хорошему светскому правилу за первой переменной блюд мировых проблем не обсуждать, Берин-младший сразу же слегка пощупал самый насущный для него вопрос:

– Судак сегодня прекрасен, вы не находите, маман? – вкрадчиво прошелестел Никон. – А желе мне напоминает господина Поленко. Леонида Серафимовича.

И тут Жанна Станиславовна, баронесса, по ее вычислениям, в тринадцатом колене, львица аристократических салонов и дама беспримерного воспитания, вдруг громко икнула, отбросила вилку и заверещала не хуже торговки квасом в Медведково.

– Ктоооооо?? Поленко?! Господин... Откуда ты знаешь?? – голос Бериной взметнулся к потолку, откуда ударной волной смел сырную крошку с салатов и покачул тяжелые канделябры. Назар, не ожидавший такого поразительного результата, с удивлением воззрился на матушку, свободной рукой незаметно убирая со стола ножи и прочие опасные предметы. Прислуга слилась с оббитым веселеньким шелком стенами Голубой гостиной и до выяснения обстоятельств не вмешивалась в явно непостановочное извержение хозяйкиного вулкана страстей. Наконец, с шумом всосав содержание какого-то дивного резного графинчика с вязкосиним содержимым, Жанна в изнеможении стекла на стул, закрыла лицо прекрасными руками и погрузилась в молчание. Сын-провокактор, вполне потрясенный успехом пробного шара на тему нового директора, забарабанил пальцами по столу. Сощурился в сторону застывшей фигуры напротив, он отметил про себя, что аллегория скорби еще никогда так ладно госпоже Бериной не удавалась.

– Жанна Станиславовна, что же это делается, – к хозяйке робко засеменял дворецкий. – Может, не в то горло попало? Вы только дайте знак, я сразу врача, полицию, священника... Говорил же вам, хороший был обычай этих поваров по субботам пороть профилактически, чтоб не расхолаживались. Вот, дожили, потравили кормилицу нашу! Жанна Станиславовна, что же вы молчите?

Обычным порядком баронесса не позволяла холопам таких длинных монологов, но теперь, вопреки трепетным ожиданиям Назара Никоновича и кое-кого из претендентов на место дворецкого, последнего ждало только ответное молчание и неподвижно склоненная головка в аккуратных локонах. Дело принимало нестандартный оборот, и химик решил, что пора вмешаться проверенным средством от передоза впечатлений. Послав прислугу за йодом и сушеными грибами, юноша привычными движениями занялся изготовлением эликсира бодрости из подручных ингредиентов. В гостиную влетела запыхавшаяся горничная с подносом, на который в спешке были навалены какие-то пакетики со специями, нитки грибов и лекарства:

– Назар Никонович, вот здесь все, что нашли! А еще есть настойка валерианы, может, нужно?

Хозяйский сын одобрительно потер между пальцами грибочки и жестом отстранил беспокойную помощницу.

– Свободны. Я привык без ассистентов. К тому же в чрезвычайной ситуации мы должны обходиться малым, именно для этого и существует наука химия! – Назар назидательно погро-

зил пальцем притихшим женщинам в передниках, вытряхнул из хрустальной вазочки розу и принялся колдовать над целительным коктейлем.

Через минуту в вазочке пенилось и переливалось неонм чудодейственное средство, и Назар, залившись румянцем, как Мария Кюри при первом явлении радия, с чувством гордости поднес сосуд к выведенной из строя мамаше.

– До дна! – торжественно провозгласил Берин. – Как лекарство! – и вложил вазочку в обессилевшие руки потерявшей бдительность и чувство самосохранения Жанны. Несчастливая женщина автоматически поднесла напиток к элегантно покрашенным губам, а заботливый сын ловким движением руки тут же направил содержимое импровизированной чаши Граала прямо по назначению.

По всему выходило, что наследник великого папы не ошибся с выбором жизненной стези: коктейль удался на славу. Жанна, как выброшенный волнами придонный сомик, хватала ртом воздух и вращала выпученными глазами, но из состояния амока вышла капитально. Пару минут она петляла по гостиной со скоростью и траекторией не до конца изученных еще наночастиц. Спустя время женщина вполне освоилась с избыточным количеством так коварно сообщенной энергии и аккуратно присела за стол, правда, все еще кузнечиком подкидывая коленки и слегка клацая зубами.

– Вот что... Товарищи, – под влиянием стресса на ум Жанне приходил только родной, советский пролетарский язык. – Охренели вы, что ли? А ты, Назар, – на химика был наведен острый блестящий ноготь, – ты своих порошков перекушал, балда, перепутал малость, как надо уважать старость и покой отечественных пенсионеров? Которые тебе к тому же пока еще мать! – и, не дав изумленной общественности вполне насладиться кудрявым, но четким изложением ее мысли, просветленная баронесса взялась за главное: – Так что ты там лепетал про желе?

– Маман, не стоит так волноваться, – Назар запорхал вокруг первой испытательницы своей живой воды, полностью изменив Поленку с великим открытием по части энергетиков и модуляторов сознания. – Не будем возвращаться к мелочам. Разрешите измерить ваш пульс?

– Полюбуйтесь на этого клоуна в манишке! – Жанна Станиславовна отняла у сына налившуюся богатырскую силой руку и пребольно хрястнула ему по переносице, поставив крест на дальнейших лабораторных наблюдениях. – Чуть не загнал в гроб, а теперь в кусты. Давай, выкладывай, где ты откопал эту жабу бородавчатую, Леньку Поленку.

Опешивший от контрудара и мамулиного необычайного красноречия Назар только сейчас вспомнил, о чем, собственно, был разговор и попытался сочинить связное оправдание:

– Это не я откопал. У меня, маман, по прежнему другие приоритеты в знакомствах, – госпожа Берина саркастически зацокала не усмирленным пока язычком, а химик-сын насупился. – Да, у меня обширные, но беспорочные связи, по крайней мере, жаба – это ваш приятель, не так ли? – Жанна хмыкнула, но слегка остудила зловещее, как жерло Йеллоустона, выражение лица. Назар продолжал:

– Впрочем, не будем тянуть с преамбулой: господина Поленку назначили директором нашей школы, и он, между прочим, намеревается меня уволить. Как борца за права интеллигенции, что вам, уполномоченному глашатаю народной воли по области, должно быть весьма интересно!

Выдохнув эту сногсшибательную для баронессы новость, Назар откинулся в кресле и пристально посмотрел на родительницу. Ее обычно бледное лицо полыхало теперь революционными кумачовыми оттенками.

– Неисповедимы пути, – задумчиво отозвалась баронесса. И после пятиминутного молчания, плотоядно сощуриив блестящие гневом глаза, добавила: – Вот мы и встретились, Ленчик... Только теперь моя возьмет.

Жанна Станиславовна стремительно встала и уже вполне голубокровным жестом пригласила сына следовать на ее половину:

– Мальчик мой, за мной! Положим конец этой истории. Сейчас ты услышишь такое, что вряд ли позволит этому скунсу Поленко вообще кого-либо увольнять.

Мать и полный энтузиазма сын скрылись за портьерой, а пораженная экстравагантным ужином прислуга осталась прибирать поле боя.

К двум по полуночи жизнь в доме Бериных только начиналась.

Глава 8

За всеми вечерне-ночными хлопотами провидение как-то подзабыло Тихона Гавриловича, сраженного коварным ударом неизвестного прямо в эпицентре своей мечты – кресле директора спецшколы. В тот миг, когда он, рассматривая забытый на столе листок, уже почти вник в тайну червеобразных каракуль и внезапное озарение уже было готово осенить любопытную голову, поменяв весь ход школьной истории, прямо на темечко трудовика опустилось могучее пресс-папье с конем и Ильей Муромцем в полном богатырском облачении. К чести легкомысленного колеса фортуны, оно наконец таки давало честолюбцу-учителю шанс отъехать в лучший мир с высочайшей в его жизни позиции: буйна голова сложилась на начальственных бумагах, в окружении гарнитура карельской березы и под охраной секретарского предбанника.

Хлипкий организм Квазимодыша не был рассчитан на подобные приветствия недоброжелателей и теперь тряпичной куклой стекал по ребристому кожаному креслу в таинственные глубины директорского подстоля. Настенные часы в деревянном ящике советской сборки механически цоколи, отбивая, казалось, последние минуты молодой тихоновской жизни. Впервые за свою яркую биографию трудовик душой и телом пребывал в полном статическом покое. Его ангел-хранитель, окончательно загнанный подлым демоном всевластия и очумелым чертом-изобретателем, дивился нежданному подарку сверху. Он уже расправлял потихоньку свои пожухлые крылья, дабы осенить ими подопечного и вознести куда следует. Еще совсем немного, и шестеренки расшатанного пустыми усилиями мозга встали бы наконец на место, положенное им анатомическим атласом, и в любом из миров Тихон, глядишь, и стал бы если не полезным, то хотя бы безвредным членом общества. Отдых – лучшее лекарство, как правильно подметил еще старик Авиценна, не желавший тащиться к недужным в мороз и слякоть античного бездорожья, и ловко отсылавший гонцов от пациентов таким вот верным рецептом.

Но, как всегда, добро опоздало победить: пока ангел возносил хвалу Всевышнему, а шестеренки собирали переключку для установления отсутствующих, прозрачные веки Тихона затрепетали, раздался протяжный стон, и в предрассветный сумрак кабинета вперился взор мятущихся водянисто-голубых глазок. Тихон выглядел скорее живым, хотя общая синюшность его птичьего личика хороших перспектив не обещала.

Спасли неутомимого труженика прогресс и дружба народов. Богатырский конь был изготовлен из китайской бронзы по особой технологии шанхайских умельцев, набивших руку на картонных джипах и яйцах из желатина с паклей. Работая без выходных и перерывов на обед, стратегический партнер из Поднебесной наводнил своим изделием все сопредельные территории, в зависимости от региона продавая его под видом гнета для капусты, истинно русского сувенира или наглядного пособия по строению простыночника древовидного.

Губерния не стала исключением на пути товарного изобилия: подаренная старому директору вещица прочно угнездилась в его кабинете, радуя глаз посетителей оригинальностью композиции и тренируя их ум и сообразительность задачкой – а что же это все-таки такое.

Правдивой в этой тяжелой на вид миниатюре была только надпись на псевдомраморной подложке: "Дорогому начальнику – 65!", в остальном же и всадник, и его средство передвижения вызвали много вопросов. Во избежание раскола в коллективе мудрый директор гигантским усилием воображения провозгласил штуковину былинным богатырем. Впрочем, при проходах на пенсию он все же не рискнул уносить это непотребство в дом. Жена и так в красках живописала ему горгулий, являвшихся к ценителям водочки и крымского портвейна, а видеть их наяву было выше его сил.

Затылку Тихона Гавриловича довелось познакомиться исключительно с достоинствами необычной скульптурки. Легкость и неопределенность форм боевого коня подарили ему

жизнь, а упитанный Муромец при столкновении с монолитом трудовой головы отозвался глухим звоном и смялся до микроразмеров самых дорогих манекенщиц, так и не причинив жертве весомого вреда. Ночной злодей, видимо, все же был удовлетворен исходом поединка и высоко оценил многофункциональное пресс-папье. По крайней мере, после нападения он аккуратно протер его тряпочкой и с заботливо водрузил на шкаф, подальше от шаловливых пальчиков нечутких к восточному искусству товарищей.

Сейчас трудовик, чуть приоткрыв рот и вылупив глаза на манер тщедушного журавлика, проспавшего вылет на юг, в недоумении озирается по сторонам, пытаясь сопоставить время, место и саднящую боль в затылке.

– Удар, это удар! – запричитал Тихон. Ему почему-то не хватало воздуха, челюсть ныла и неохотно включалась в работу, а сухие, бесформенные, как два куска взопревшего теста, губы шлепали друг о друга с липким болотным звуком. Тщательно ощупав ребра, галстук и пряжку на ремне, Квазимодыш немного успокоился, раскидал собравшиеся было мысли и привел рассудок в обычное разболтанное положение. Дышать стало легче. – Инсульт в расцвете лет! – плач Ярославны продолжился уверенней. – Тогда, когда меня поимело, наконец, руководство! Заметило, и поимело меня соратником, правой рукой! Вся эта никоновская шушера и мизинца выведенного не стоит дорогого нашего Леопольда... Леококка... Как же?! – Тихон горестно закатил сверкнувшие слезой глазки и энергично потряс и без того перетрясенной головой, на что она мгновенно отозвалась всеми симптомами крепкой черепно-мозговой травмы. Трудовика затошнило и бросило в пот. В испуге от признаков скорой кончины помазанник новой власти заметался в кресле, выискивая бумагу. Она срочно нужна была для записи его последней воли, призванной значительно облегчить будущее человечества.

– Хотя бы краткую программку реформ в школе, стране и мире! На двадцатипятилетку, не больше... Времени, наверное, в обрез, где же ручка? – сокрушался Квазимодыш, шаря под креслом.

Классическое сотрясение мозга разыгрывалось как по нотам: вместо вождельных пера и бумаги Тихону являлись только яркие красные круги со зловещей махровой каемочкой. Удерживать на чахлой шейке отягощенный травмой и ответственностью сосуд мысли дальше было невозможно. Трудовик поднялся, притих и аккуратно разложил пострадавшие части тела на столешнице.

– Вот правду тетушка говорила... Беда мне наступила от головы, прямо на самое святое место беда наступила... Довели завистники надежду просвещенных элит! Хотят обесточить свет моей творческой деятельности. Но я молчать не стану, сообщу по инстанциям! – Тихон Гаврилович по капле наливался прежним непримиримым духом. – Так... Гаагский суд отпадает... Они мне так и написали: если проблема с головой, их не беспокоить. Я понимаю, уважаю даже их позицию, все-таки организация молодая, неопытная. Нашим бы клоунам столько самокритики! – и он на мгновение погрузился в сладкий мир восстановленной справедливости, где каждый из его коллег и прочих недругов уезжает в кругосветный тур публичного покаяния в своем сволочизме.

Благостная картина потеснила алые вспышки сотрясения, сумерки сознания слегка расступились, и с предельной ясностью Тихон вдруг вспомнил забытую на столе Поленко бумажку, таинственную тень и последовавший за этим пердимонюкль. Внезапное открытие его совершенно не успокоило, хотя позволило далеко продвинуться в вопросах диагностики упадка сил. А также обозначило круг подозреваемых, определенно обладавших каменным сердцем и сделанным из того же материала орудием преступления.

Мотивы покушения также были очевидны: в их основе лежала древняя, как мир, и изобретательная, как модница в обделенной изобилием Северной Кореи, борьба за власть. Трудовика не смущало, что прежде игры престолов в спецшколе не выливались в леденящие кровь заголовки криминальных новостей, оседающая сухими параграфами приказов в Районо. А там

войны годами велись только в виде сражений фасонами юбок и количеством ювелирки, как и в любой другом террариуме чисто женского коллектива.

Теперь все изменилось. Долгожданный день, вернее рассвет, икс настал: виртуальные недруги, из-за которых из года в год срывалось назначение Тихона Гавриловича на руководящую должность, наконец-то вышли из сумрака и обрели вполне конкретные очертания черного человека в черных штанах и черных ботинках. Противостояние предстояло нешуточное, но поднаторевший в склоках Квазимодыш и больной головы не склонил. Поудобней расположившись на кресле, он с решимостью недужного петуха, выходящего на предсмертный бой с кухаркой, стал прикидывать план великой административной битвы. Травма давала о себе знать, мысли путались в густом мареве головной боли, но трудовик со знанием дела продирался сквозь лабиринт искривленной китайским сувениром логики.

– Оскорбление действием и тяжкий вред здоровью – это раз. – Схема обещала быть оригинальной. – Главное, сохранять все симптомы нетронутыми до конца следствия. С нашим участковым терапевтом это не сложно. Два – я знаю, что они хотели, а значит, в милиции больше не будут отмахиваться обидными намеками, что, мол, масонам от меня ничего не надо и они не могли расковырять замок в моей квартире. А ведь то, что замок поцарапан изнутри, и указывает на масонов напрямую! Они – везде, проникли в святая святых нашего общества, вездесущие масоны. По телевизору так и говорили.

Тихон нахмурился и по привычке молниеносным движением руки проверил наличие вольных каменщиков у себя за спиной. Все было чисто. Наметки по плану продолжались:

– Третье, мой главный козырь: я смогу их опознать! По острому холодному кулаку и черным штиблетам. С моей-то наблюдательностью этот преступник поймается не один раз, во всех тайных уголках страны его будет высматривать автопортрет, или по-научному, фоторобот. Вот я сейчас быстренько его отрисую, еще сниму отпечатки пальцев с затылка. И он у меня в руках! Где же мой блокнот?

На столе заветной тетрадки не оказалось, не было ее и под столом, и на стуле, и вообще в обозримых пределах директорского кабинета. Тихон попытался вспомнить, где они с бесценным молескиным виделись в последний раз. По всему выходило, что, истратив последний лист безоговорочную победу зеленого змия над Афонькиным, он бережно погладил клеенчатый переплет и уложил свою прелесть в специальный карман брюк. Ночная сцена в школьном предбаннике встала пред его внутренним взором во всех отчетливых подробностях. Вот о Красномордом напоминает батарея, нет, целый батальон бутылок; вот пораженный Тихон опускается на скамью под зеркалом и фиксирует акт нарушения Афонькиным общественного спокойствия – ведь не может же общество спокойно спать, когда его член, понимаешь, налил пороком. Вот трудовик, оставив тару на столе в качестве улики и для того, чтобы испарениями потравить моль в раздевалке, мчит к дорогому Леониду Серафимовичу со сверхважными новостями и тетрадь в кармане. Уже стоя перед директорской дверью и потев от избытка благоговения перед начальством, он достает великую летопись из широких штанин и готовится с почетом преподнести ее долгожданному читателю. Он один сможет по достоинству наказать всех действующих лиц этой повести школьных годин.

– А дальше-то что? – в задумчивости выдохнул Квазимодыш, насупив бровки и силой мысли пытаясь приподнять завесу тайны над будущим этого прошлого. – Дальше эти, враги, лишили меня физической возможности слиться в порыве с высокоуважаемым господином Поленко! Он меня сам уполномочил разоблачать, особенно таких вот несогласных с моим возвышением, – Тихон для верности стукнул кулаком по столешнице, на что ударом чугунного молота тут же отозвалась боль в затылке, и тонким, мелодичным переливом запело что-то у ножки стола. Оглушенный уполномоченный переломился пополам и уткнулся носом в источник райского звона: то вибрировал его прекрасный немецкий лобзик, а чуть поодаль мирно лежала клеенчатая тетрадь.

К гулу в голове прибавилось нешуточное сердцебиение – такую радость от встречи испытывали разве что наконец обнявшие друг друга однополчане, прошедшие Варкрафт с первого до восьмидесят пятого уровня рука к руке, то есть мышка к мышке, один в Находке, а другой в Буэнос-Айресе.

Под непрерывный грохот черепно-мозговой наковальни размякший от пережитого Тихон сполз на пол, прижал к груди свое сокровище и хозяйским движением притянул к себе лобзик. Сил на то, чтобы облобызать его уже не оставалось, и трудовик просто тихо млея, привалившись к ножке стола и нежась в первых лучах сентябрьского солнышка, нарезавшего, подобно всеильным мечам джедаев, в симпатичную золотую дырочку тусклые гардины и пыльный воздух кабинета. Тщательно натертый паркет блестел свежей мастикой, которая намертво въедалась в брюки сидельца, попутно обволакивая его самого ядовитыми парами канцерогенного свойства. Часы мерно цоколи, время подходило к семи.

Лобзик, тетрадь и человек еще долго могли бы наслаждаться негой и покоем акварельного утра, но Тихона Гавриловича вид неработающего бездельника раздражал всегда. Превозмогая ноющую боль в висках, он сложил колени и локти и из этой позы эмбриона попытался одним щелчком разложиться до размеров нормального мужчины. Трюк не удался, и не только потому, что означенной цели Тихон не осилил на протяжении всей своей энергичной жизни – нормальным его постеснялись бы назвать даже мегакорректные ребята из ОБСЕ. Дело стопорил нужный, но все-таки балласт: инструмент и собрание сочинений на двухсот двадцати листах в клеенчатом переплете. Дорогие сердцу предметы намертво застряли в цепких ладошках, лишая трудовика возможности удачно сгруппироваться для принятия вертикального положения. Наконец, конфликт потребностей и возможностей был решен; тетрадь с большими предосторожностями отправилась в карман, а лобзик, достойно выполнив роль противовеса при поднятии груза, заслужил место в руках Квазимодыша. Теперь Тихон стоял, стонал и покачивался прямо у окна кабинета, подсвеченного шальным калейдоскопом солнечных зайчиков от проезжавших мимо школы автомобилей.

На стоянке у ограды одиноко стояла машина Леонида Серафимовича, которой вся школа успела подивиться еще накануне. На черном джипе новомодным изыском сияла аэрография из прошлой жизни Камикадзе: самолет какой-то необычной толстоты, взлетная полоса и ангар со всеми авиационными подробностями. Притихшему педсоставу Поленко объяснил, что не забывает славных дней в небе, картина на капоте – это, собственно, фотография его прежнего рабочего места, которое, конечно, было не чета нынешнему: там царили неустрашимое мужество и подвиг, а здесь бледными поганками прут учителя-белоручки.

Тихон сразу же заметил необычное авто, и в его рассеянном сознании взорвались давно зревшие сомнения: где же всепочитаемый господин директор и почему не состоялась конспиративная встреча по переделке школьного порядка? Догадка не заставила себя ждать:

– Значит, вот зачем Черный покушался на кресло, когда в нем был я! – в системе координат Тихона центр мира по-прежнему не сдвинулся, продолжая благополучно сидеть в его пупе. – Он знал, что Леонид дорогой Серафимович меня выбрал возвысить, и решил сразу зарубить будущее на корню: и директорское место, и меня как его молодого отростка!

Трудовик нервно теребил галстук, представляя, чего бы могла лишиться школа и мир, будь у него голова более хлипкой. Трон вообще чудом уцелел, видно, только потому, что его в момент покушения осеняло седалище великого человека, Тихона Гавриловича.

– Ах, какие все-таки негодяи наши белые воротнички! – вслух размышлял защитник имущества. – Чисто, как из-под наждачки – такой хитроумный план могли придумать только выпускники этой клоаки, нашего пединститута. Назар-то, яйцелобый, всегда повторяет: надо смотреть на три хода вперед, чтобы не взорвать пробирку. Смотрящий наш. Допланировался! – Тихон начал было довольно потирать ладони, но лобзик слишком царапался. Поморщившись,

трудолик отложил орудие пролетариата на подоконник и пальцами начал давить запекшиеся на нем пузыри масляной краски.

Монотонное занятие расслабляло натруженные ночной борьбой члены, бешеный аллюр сердца перешел в степенную иноходь – все у Тихона было не как у людей – и трудолик вдруг отчетливо понял, что ночной гость уже, пожалуй, был в кабинете к моменту его прихода. И этот злодей определенно что-то искал, хлопал ящиками, ходил и кашлял, тоже наверняка с преступными целями, ведь достаточно одной молекулы лихорадки Эбола, что наутро вырезать всю школу и смежные организации! Как же он раньше не догадался!..

Ясно как день, что коварные макаренки разыграли целую партию, стремясь и дальше кинуть в болоте своей педагогической запущенности. Конечно, их целью было выкрасть великий план школьных преобразований, переданный Тихоном Гавриловичем на педсовете и наверняка убранный потрясенным директором в сейф. И, чтобы исключить всякую возможность утечки радикальных реформ в благодарный окружающий мир, эти подлецы заманили, скрутили и даже устранили святоуважаемого господина Поленко, лишив его пусть крохотного, но шанса потрындеть с автором проекта лично. Школе просто повезло, что на пути черных гроссмейстеров костью и головой лег сам Тихон. Ничего, теперь он докажет, что шахматный ум Назара не применим в обычной жизни, а таланты Амалии Винтер ограничивается подозрительными рисунками, которые она величает синусоидами.

Воодушевленный трудолик взял свой кондуит и приготовился сделать последнюю, но самую важную запись на задней обложке.

– Светлая вечная память жарколюбимому директору Поленко, – он послунял ручку, скосил глаза на высунутый синий кончик языка и впал в задумчивость. – Ну, Леонид Серафимович и не побыл директором-то толком. Не добыл, не доруководил... Но для потомков сделал самое главное, хотя и не сделал потомков. Вот, какой софизм, – Тихон ласково заулыбался, – пойдет для мемуаров и журнала "Прикладная философия". Ладно, к делу. Он меня в это кресло усадил и пострадал за правду. Впрочем, даже и хорошо, что так все вышло, – Квазимодыш пустил в ход только что изученную им американскую технику позитивного мышления, которое на Руси издревле кратко, но емко именовалось "признаком дурачины". В формате его патологического сознания зарубежная наука заискрилась новыми гранями, одержав полную победу над атавизмами вроде здравомыслия или простого анализа. Трудолик уже ликовал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.